

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

МОЙ
ПЕРВЫЙ,
МОЙ
ИСТИННЫЙ

Марина Эльденберт
Мой первый, мой истинный
Серия «Вервольфы», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70015828

SelfPub; 2023

Аннотация

Все знают, что вервольфы выбирают только волчиц, а простые женщины для них развлечение. Нельзя смотреть в глаза волку, хищнику и чужаку, нельзя приближаться к нему и оставаться с ним наедине. Вот только я все чаще чувствую на себе звериный взгляд, все чаще сталкиваюсь с ним, будто он выслеживает меня как охотник добычу. Как будто видит во мне свою пару. Люди не становятся парами вервольфов. Это тоже все знают, но... Интуиция, данная мне с рождения, говорит об обратном. А еще она говорит, что наша встреча – совсем не случайность, а магия, обещанная пророчеством. ОДНОТОМНИК. Цикл «Вервольфы».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	50
Глава 6	65
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марина Эльденберт

Мой первый, мой истинный

Глава 1

Он почувствовал Юмали еще издалека. Ее аромат выделялся среди других. Раскрывался ярким цветком. Будоражил. Манил. Он въелся под кожу. Заставлял сердце ускорять ритм, гоняя кровь по всему телу. Пробуждая его зверя. Дюю не нужно было даже стараться, чтобы отыскать ее. Он всегда знал, где она. По ее особенному запаху, по тихим шагам, когда Юмали подкрадывалась к нему, как сейчас. Ступая неслышно, пыталась застать врасплох. Осторожно.

Предки наделили волчиц особым даром. Они прятались лучше, умели двигаться почти бесшумно и подходить незаметно. Так, что это могло даже сработать. С кем-то другим. Но не тогда, когда ты изучил аромат своей невесты. А Дэй изучил. Он прекрасно изучил его, и сейчас с наслаждением повел носом, втягивая ноздрями самый желанный запах в мире.

Юмали пахла цветами нисса, что раскрываются лишь летней ночью на каменных стенах храмов, а еще солью и немного дымом от костров. Казалось бы, они живут возле океана, и ото всех волчиц пахнет океаном, но аромат Юмали был осо-

бенным. Для него.

Дэй мог распознать его в толпе, не говоря уже о том, чтобы уловить его на пустынной кромке пляжа, где он сидел на песке. Что совсем не мешало ему немного подыграть Юмали. Раз ей хочется играть.

Он глубоко вздохнул, заставляя собственное сердце биться ровно, что было достаточно сложно сделать, потому что Дэй едва сдерживал смех. Юмали старалась. Они были знакомы с детства, и с тех пор она пыталась заставить его врасплох. Вот и сейчас волчица вышагивала так, словно задумала плыть по воздуху.

Шаг. Еще шаг.

Слегка влажные от волнения ладони закрыли ему глаза. Полная грудь Юмали прижалась к его спине. И Дэй не выдержал, ухватил девушку за талию, перекинул через голову к себе на колени, оказавшись с ней лицом к лицу. Ее длинные темные волосы лианами мазнули по коже, пробежались щекоткой, будоража еще сильнее. Возбуждая.

У Юмали не только волосы были красивыми, все ее тело было совершенным. Тело, лицо, то, как она улыбалась или расстроено кривила губы, как сейчас. Как дикой кошкой тянулась в его объятиях.

– Снова услышал меня?

– Конечно, – усмехнулся Дэй.

– Как ты это делаешь? – не спросила, в очередной раз потребовала Юмали.

– Расскажу, когда станешь моей женой.

– Даже не знаю, отчего я хочу стать твоей больше. Чтобы узнать секрет? Или чтобы заполучить себе тебя?

– Это кто кого еще себе заполучит!

Дэй сжал невесту в объятиях, потянулся к ее губам, но она резко мотнула головой, уходя от его ласки.

– Нельзя, Дэй. На мне и так твой запах. Мать будет недовольна.

Игры в недотрогу Юмали тоже любила. Вроде увернулась от его поцелуев, а сама распласталась по всему телу Дэя, потерлась, пробуждая в нем мужской голод. Провоцируя. Испытывая его выдержку на прочность.

– Со следующей новой луной Сараси объявит нас парой, – напомнил он, утыкаясь носом в ее гладкие мягкие волосы, обводя губами кромку ее уха и довольно улыбаясь, поймав ответный трепет – девушке тоже не удалось остаться равнодушной.

– С новой луной ты будешь моим, – застонала Юмали, когда он ладонями огладил ее бедра, почти забираясь пальцами под тонкую ткань туники.

– А ты моей, – прорычал Дэй, вжимая ее в собственное тело, жаждущее почувствовать себя в манящих глубинах Юмали. Но она извернулась, толкнула его на песок, а сама оказалась на ногах.

– Тем слаще ожидание, – засмеялась девушка.

– Жестокая! – укорил Дэй, приподнявшись на локтях. –

Зачем тогда приходила?

– По делу. Сараси сказала, что ждет тебя в большом храме.

Все игривое настроение Дэя мигом испарилось, имя главной жрицы всегда на него так действовало.

– Что ей нужно? – хмуро поинтересовался он.

– Откуда мне знать, – пожала плечами Юмали и убежала, а вот вервольф одним гибким движением поднялся.

Беги-беги, волчица. Скоро станешь моей полностью. Только поэтому Дэй ее и отпустил и направился к жрице. Хотелось бы в другую сторону, потому что Сараси – последняя, кого ему хотелось видеть на всем архипелаге. Она была женой и истинной парой его отца. Той, что разбила их союз с матерью Дэя.

За это Дэй не любил Сараси, обходил стороной и на все ее попытки сблизиться, стать семьей, неизменно отказывался. Но она была жрицей, и ослушаться приказа жрицы не мог никто из джайо. Ни один волк.

Кроме Дэя.

Игнорировать просьбы жрицы не мог никто по закону джайо, а вот являться к ней, выслушивать и делать по-своему – это пожалуйста. Именно этим Дэй и пользовался. Вожди других племен и остальные жрицы этого не одобряли, даже игнорировали его порой, но Дэю до недавнего времени было наплевать. Кому нужно их одобрение? Он жив и здоров, значит, великие предки довольны и благоволят ему, он выгрыз себе право быть альфой в честной битве, он защища-

ет границы джайо от пришлых. Он делает свое дело. Отлично делает. Так какая разница насколько низко он склоняется перед жрицей?

Дэй вовсе не склонился бы. Это означало признать, что она стоит выше него. Женщина-чужачка, укравшее сердце его отца. Но у верховной жрицы было преимущество: право разрешать или запрещать союзы вервольфов на всем архипелаге. Вот Дэю и пришлось пересмотреть свое отношение к Сараси из-за своего желания быть с Юмали. Не склониться, нет, но внять ее просьбам. Поэтому вместо того, чтобы в очередной раз сделать вид что ему все равно и пойти заниматься своими делами, он направился к Сараси.

Жрица и отец жили в отдельной хижине: большой и похожей на людские дома с Чужой земли. Вервольфам такие ни к чему, они могут спать на земле, на траве, на песке. Но Сараси, как человека, такое не устраивало, и отец построил этот дом. Как символ своей любви.

Дэй поднялся по ступенькам на крыльцо и вошел в дом. Единственное, что делало его похожим с остальными жилищами джайо – отсутствие двери. Да и зачем они? Это людям нужны двери, чтобы никто к ним не забрался. Вервольфы уважают чужое пространство и без приглашения в чужую хижину не зайдут. А двери только помеха зверю в волчьем облики.

На этом сходство с простыми хижинами джайо заканчивались. Пол здесь был устлан широкими ороговевшими ли-

стами дерева бамбу, из них же отец сделал мебель: кровать и кресла. Вместо костра – сложенный из круглых камней камин. Жрица как раз сидела в кресле возле камина и с улыбкой наблюдала за играющим рядом на полу младенцем, сыном Кэлом.

Но, стоило Дэю войти, Сараси сразу поднялась ему навстречу.

Жрицу невозможно было спутать ни с одной женщиной, живущей на архипелаге. Джайо отличаются черными гладкими волосами и черными раскосыми глазами, смуглой кожей, силой и ростом. У Сараси же волосы будто горящее пламя, а взгляд на контрасте ледяной, и даже улыбка его не смягчает. Кожа у нее вся в мелких пятнах, как у дикой кошки в джунглях, поэтому жрица не любит солнце и прячется от него. Она чужая, другая, и это еще одна причина неприязни Дэя. Но она нужна ему, чтобы провела церемонию для них с Юмали. Зверь внутри рычит от подобных компромиссов и встает на задние лапы, но Дэй не позволяет ему лишней свободы. Свобода будет потом.

– Я рада, что ты так быстро пришел, – улыбнулась жрица.

– Ты же этого ждала, отправляя за мной Юмали? – Ее манипуляции более чем прозрачны и на нем не работают. – Не делай так больше. Я тебе не цепной пес, чтобы являться по первому требованию.

– Вообще-то я уже две недели пытаюсь поговорить с тобой, – вздохнула Сараси. – Это важно и касается твоего бра-

та. Присядем?

– Которого из них? – поинтересовался Дэй, игнорируя приглашение. Он здесь надолго не задержится, так зачем разводить церемонии?

Жрице это не понравилось: она поджала губы.

– Шана, – пояснила она и наконец-то привлекла внимание Дэя. Потому что Шан был ему единственным родным братом и по отцу, и по матери. Дэй учил его и немного опекал. Да он ему отца заменил, когда тот встретил свою жрицу! – Он достиг своего совершеннолетия и теперь обязан пройти инициацию. Отправиться на Большую землю и попытаться счастья отыскать новую жрицу.

Дэй ненавидел Чужую землю: из-за отца и из-за себя. Шесть лет назад и ему пришлось побывать на материке. Прожить там несколько месяцев и тем самым пройти испытание для всех молодых волков, претендующих на роль вожака. Но дело было даже не в том, чтобы отправиться в неизведанные для джайо земли. Это делалось для того, чтобы отыскать новых жриц. Человеческих женщин, способных понести от вервольфов. Обладающих даром разговаривать с великими предками. Несущих в себе божественную искру.

Найти новую жрицу и привезти ее к джайо – большая честь. Дар предков. Но и обратного пути для такого вервольфа нет. Тот, кто впервые встречает будущую жрицу, теряет голову от страсти и жажды обладания ей. Она становится для него истинной, той, без которой ему не жить. Но женщины с

подобным даром – невероятная редкость, что встретить такую мало шансов. Тем не менее традиция есть традиция. И каждый день на Чужой земле Дэй молился, чтобы эта напасть обошла его стороной. Обошла. Предки услышали его и позволили вернуться домой.

Но то время он запомнил хорошо.

– Это глупая традиция, которая давно себя изжила.

– Она не глупая, – слабо улыбнулась жрица. – Это необходимо, чтобы найти новую жрицу, которая заменит меня после моей смерти.

– Ты не стара, чтобы тебя заменять.

– Приятно слышать, но я не вечна. Джайо нужна молодая кровь. Сам знаешь, в таких союзах рождаются сильные дети.

Дэй посмотрел на Кэла, вцепившегося зубами в тряпичную куклу и изображающего волчонка. Он и был волчонком, никто бы не признал в нем человеческую кровь. Наследие жриц божественно, и дети от них вырастают могущественными защитниками джайо.

– Это необязательно, – Дэй все-таки выдал себя звериным рычанием, – если он не хочет стать альфой.

– Он этого хочет. Не сейчас, конечно. Потом. И он станет, но только после этого путешествия.

Дэй никому бы такого путешествия не пожелал. Мир на материке другой, чуждый. Но его младший брат теперь взрослый.

– Ты спрашиваешь моего позволения? Это решение Ша-

на. Он сделал свой выбор.

– Нет, не позволения. Я хочу попросить тебя сопроводить его.

– Стать ему нянькой? Какая же это инициация?

Сараси громко вздохнула, будто этот разговор ей был в тягость и требовал терпения.

– Не нянькой. Я прошу сопроводить его, потому что ты знаешь местное наречие. Ты уже был там.

– Все альфы джайо были там. Слабый довод.

– Ты единственный, кто еще не обрел свою пару. Ты знаешь правила.

Еще бы он не знал! Раньше все вожаки джайо обязательно плавали в Чужие земли раз в три года, чтобы найти новую жрицу. Ведь только альфа способен учуять дар богов. Но после того, как отец Дэя нашел Сараси и запечатлелся на ней, такой подход пересмотрели. Ни в традициях джайо было разбивать союзы. Поэтому отныне плавали лишь молодые волки, что не обрели свою пару.

Но Дэй не один из них!

– Ошибаешься, – прорычал он. – У меня есть Юмали.

– До церемонии она не твоя пара, – напомнила жрица и виновато отвела взгляд.

Дэй все понял. Понял, почему их союз с Юмали до сих пор не заключен. Предки прокляни Сараси!

Он с утробным рычанием шагнул к жрице.

– Не будет никакой церемонии, пока я не выполню твое

условие, да? Это шантаж, манипуляция, как говорят на Чужой земле?

Сараси побледнела и отшатнулась, но в последний момент все-таки вздернула подбородок:

– Ты несправедлив ко мне. Я проведу церемонию, как только ты вернешься.

Дэй не купился на ее обещание. Жрица она или нет, он никому не позволит собой управлять, тем более женщине, неважно, своя она или чужая.

– А давай так, жрица, я украду Юмали по старому обряду джайо, и никому твоя церемония и твое благословение не потребуются.

Казалось, бледнеть дальше некуда, но с Сараси даже ее пятна сошли.

– Ты прогневишь Предков!

– Пусть. Зато я останусь верен себе.

– Своему эго! – сказала, будто выплюнула жрица. – Ты думаешь о себе, Дэй. Не о джайо. Ты ничего не понимаешь. Это очень важно. Мне было видение от предков. Шану суждено найти будущую жрицу с таким огромным даром, которого еще не видели ни джайо, ни весь мир. Она однажды спасет нас всех.

Видения. Это было то, ради чего джайо вообще разыскивали жриц по всему миру. Через них предки предупреждали о приближающихся ураганах или засухе. Или вот так сообщали о грядущей опасности и единственном спасении. Но

все эти видения просеивались через сито мыслей и образов верховной жрицы, а она уже решала, что говорить и кому. И говорить ли вообще. Вот как сейчас, сначала Сараси попыталась надавить на его хорошее отношение к брату, а когда не получилось – на его желание назвать Юмали своей.

– Так пусть ее спасает Шан. Или ты, если тебе так хочется.

Дэй развернулся, чтобы уйти. В конце концов, украсть Юмали это не худший путь. Присвоить ее, сделать своей. Ей и ее семье это может не понравиться, но рано или поздно волчица его примет: у нее просто не останется выбора. А семья что сделает? Ее отец вызовет его на бой? И проиграет. Его отец тоже ему не указ. У Дэя своя стая, свое племя.

Да, это лучшее решение.

– Чего ты хочешь? – раздалось за спиной.

– Я уже сказал, кого хочу. Юмали.

– Я проведу церемонию.

Ее слова остановили Дэя, он даже повернулся, заинтересованный тем, что задумала жрица.

– За то, что я свожу Шана на экскурсию?

Джайо не знали таких слов, но Дэй провел на Чужой земле полгода и всегда разговаривал с Сараси на ее языке, показывая, что он не глупый дикарь. Чтобы она ни на миг об этом не забывала, не могла ощутить собственное превосходство.

– Нет, просто так, – Сараси расправила плечи. – Юмали станет твоей женой, как ты того и желаешь. А ты уже решишь, помогать джайо или нет.

– То есть я могу выбрать? – О том, что такое сарказм, Дэй узнал тоже на Чужой земле. Сейчас в нем как раз было много сарказма.

– Конечно. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты всегда все делаешь по-своему. Но помни, что у любого твоего решения будут последствия.

Жрица отвернулась, теряя к нему всякий интерес и сосредотачиваясь на играющем малыше, а Дэй широким шагом покинул хижину. Уже в лесу он перекинулся в волка и побежал по известным ему тропам. Мощный хищник. Непобедимый. Вот и сейчас он вырвал, выгрыз зубами свою победу и может принимать решение сам.

Он и примет.

Он отправится на Чужую землю не из-за жрицы и даже не из-за джайо. Он отправится туда, потому что не любит оставаться в долгу. В конце концов, это ненадолго, а потом у них с Юмали будет вся жизнь впереди.

Глава 2

– Изabella! Изabella! Да проснись же ты!

Боль всех сов – докучающие жаворонки. Которые просыпаются ни свет ни заря и что-то от тебя хотят. Особенно от-вратительно, когда вы родственники и вам приходится де-лить одну комнату.

– Изabella!

Вот рань же еще несусветная!

– Отстань, Мира, – хрипло пробормотала я, запустив в нее подушкой. Точнее, запустив подушкой туда, где, по моему мнению, должна быть Мира. Потому что для того, чтобы увидеть ее, мне нужно было дотянуться до прикроватной тумбочки и надеть очки. Только с ними я могла рассмотреть и сестру, и весь окружающий меня мир. Мои окна в жизнь.

– Я может и отстану, а мама нет. Потому что ей нужны свежие цыплята, вот она и посылает нас на рынок.

– Нас?! Сходи одна.

– Мне она не доверяет. Говорит, что в прошлый раз мне всучили несвежую рыбу. Еще задорого. Говорит, что я только ресницами умею хлопать. А вот ты другое дело. Тебя не обманут, у тебя очки и авторитет...

После авторитета я перестала воспринимать трескотню сестры. Когда с детства живешь с кем-то настолько болтливым, привыкаешь отсеивать все слова, которые она произ-

носит. Процентом восемьдесят. Остальные двадцать все-таки слушаешь, иначе серьезно обидится, а ты потом прощения проси или еще хуже – слушай обиду Мирабель. Вот нормальные люди обижаются молчанием, но не Мира. Она обижается долго и громко.

Но мне бы поспать еще немножечко...

– Изабель! – Сестра плюхнулась на мою узкую кровать, из-за чего та затряслась, и я вместе с ней. Потому что габариты у Миры были раза в два больше моих. Это все гены: она пошла в мамин род, а я в папин. У мамы все с широкой костью. Зато в папином все рослые. Поэтому я выше Миры на голову, но тетка Марисиэла каждый раз при встрече советует матери положить мне в сумку пару кирпичей. Чтобы меня не унесло во время урагана. – Ну пошли со мной на рынок.

– Хорошо, – сдалась я, дотягиваясь до очков.

– Ура! Спасибо!

Она убежала, а я провела рукой по лицу, стирая дремоту и надела очки. Мир тут же обрел краски и резкость, точнее, наша одна на двоих с Мирабель комната: скошенный потолок, большой платяной шкаф, узкие кровати, моя подальше от окна, чтобы солнце не будило.

Кстати, я оказалась права насчет рани: солнце хоть и вышло на небо, висело низко. Так что сейчас было не больше семи. Мысленно выругавшись, ругаться вслух мне не позволяло воспитание и обещанная в церкви кара Владыки за сквернословие, я сделала все утренние процедуры и переде-

лась в белую рубашку и темные штаны. Не на парад же иду! Расплела косу и завязала волосы в высокий хвост. Еще одно папино наследие – кудряшки, которые все равно бесполезно расчесывать, буду похожа на злую ведьму из кино, что показывают на ярмарках.

Только на лестнице я уже задумалась: почему Мира так рвется на рынок? Она же ленивая донельзя. То хромой прикинется, то сотню отговорок придумает. Вот что с совами делает внезапная и очень ранняя побудка! Они начинают плохо соображать. Плохо и медленно.

– Так зачем мы идем на рынок? – поинтересовалась я, выходя на крыльцо, где топталась сестра с большой корзиной в руках.

– За рыбой.

– Ты же говорила, что за цыплятами?

Считается, что если в чем-то долго практиковаться, ты в этом легко преуспеешь. С Мирабель это не срабатывало. Для часто врущего человека делала она это отвратительно. К тому же, наверху я не могла ее рассмотреть, теперь же увидела, что Мира принарядилась. Ярко-синяя юбка, которую она надевает лишь по праздникам, зеленый платок на плечах и бусы из ракушек. И шляпка. Обязательный атрибут любой уважающей себя молодой перриты!

– Точно, – сестра хлопнула себя по лбу. – Видишь, как хорошо, что ты пошла со мной.

– Мира, я еще никуда не пошла. Скажи, зачем мы туда

идем на самом деле?

– Из-за братьев Рамирес! – громким шепотом сообщила Мирабель, подхватила меня под локоть и потащила к калитке. Силы в ней было больше, так что мне оставалось идти следом, как катер на буксире. Если бы наша вымощенная брусчаткой улица была рекой, то так бы это и выглядело.

– Из-за кого?!

– Двух красавчиков, что на этой неделе приехали в наш город. Люсиэль сказала, что они уже второе утро закупаются свежим мясом с кровью в мясной лавке дядюшки Тонио.

– Звучит как начало радиопередачи про маньяков.

– Да ладно тебе! Настоящие мужчины любят мясо.

– Папа любит рыбу.

– Вот поэтому он такой комплекции, – со знанием выдала Мира и вскрикнула от восторга: – Смотри! Это они.

Кто они, спрашивать не пришлось, потому что впереди показались два незнакомца в джинсах и рубашках. Они не были высокими, они были огромными. И даже со спины стало понятно, что они не люди.

Вервольфы.

Мы с вервольфами хоть и делим одну планету, волки-перевертыши в нашей глуши – как пришельцы из космоса. Потому что они предпочитают жить в стае, на своих территориях. Это в больших городах их можно часто встретить, они приезжают туда вести бизнес или чтобы развлечься. Мне всегда казалось, что вервольфы даже по улицам свободно не хо-

дят, а перемещаются на дорогах, модных, только с конвейера, автомобилях. У них свои законы, свое правительство и традиции. Мы живем рядом и не пересекаемся. По крайней мере, не пересекались до этого момента, пока братья Рамирес не выбрали Лысую бухту для чего они там ее выбрали.

Поэтому я могла понять Мирабель: я тоже впервые видела перевертышей вживую, да еще так близко, что можно рассмотреть. Рассматривать было что. В одной из моих любимых радиопередач об истории нашего мира ведущий сравнил вервольфов с карающими жнецами Владыки. «Огромные, – говорил он. – С большими ладонями, способными как свернуть шею, так и поднять каменную плиту. Мощные. Быстрые. Их инстинкты ближе к звериному, так что не путайте их с людьми. Они не люди. Они другие». Теперь я понимала, о чем он говорил. Достаточно было посмотреть на широкие спины братьев Рамирес, на их свободные, но хищные движения, как спутать было уже невозможно. Глядя на то, как они вышагивают по улице впереди нас, у меня в голове возникла ассоциация вовсе не с волками, а со львами, осматривающими свои владения.

– Какие они красавчики! – выдохнула мне в ухо Мирабель.

– Откуда тебе знать? – Я в отличие от нее не собиралась шептаться. – Ты еще не видела их лиц. Может, они страшенькие, и лица у них в прыщах, как у кузена Адриана.

– Тихо! – теперь уже зашипела сестра. – Они же тебя услы-

шат.

Сильный порыв ветра толкнул нас в спины и едва не сбил шляпку Мирабель, поиграл песком и пылью и догнал вервольфов, которые резко остановились и синхронно обернулись.

– Я же говорила, – простонала Мира. А вот мне показалось, что их не наша болтовня заинтересовала, а запах что ли. Иначе зачем им было принюхиваться, будто они добычу учуяли? Но уже в следующее мгновение я забыла и про эту странность, и про то, что хотела съязвить сестре в ответ про знание языка чужаков.

Потому что встретила глазами с одним из вервольфов.

Я встретила, или это он поймал меня в свой плен вспыхнувшего ярко-желтым взглядом. Если бы у меня спросили, я бы не смогла ответить точно, кто из нас начал первый. Мы просто столкнулись как две стихии, и по мне впервые за всю жизнь прокатилась горячая волна: вверх вниз, и обратно – вниз вверх.

В той радиопередаче говорилось о силе и выносливости перевертышей. О том, что они больше звери, чем люди. Но ведущий ни разу не упомянул, что они красивы как те самые жнецы, спустившиеся с небес. Да даже статуи в церковном саду не такие красивые! И дело было даже не в ширине плеч, а в его лице. Сочетание божественной красоты и мужественности – все это было в его лице. И хищности. Я будто в глаза тому льву заглянула. Перед смертью. Потому что глаза одно-

го из братьев Рамирес расширились, словно он узнал во мне кого-то давно знакомого, а затем сузились, словно он от всей души ненавидел этого человека. Меня окатило такой яростью, такой ненавистью, что я едва не задохнулась от этого.

Даже споткнулась и остановилась, готовая бежать сломя голову. Уносить ноги. Спасаться. Все инстинкты во мне кричали: «Опасность!» Очарование стерлось, являя собой хищника, целью которого была я сама. Я словно это знала, чувствовала это всей кожей. Все в позе, во взгляде незнакомца говорило, что он готов броситься на меня, преодолеть расстояние между нами в считанные секунды, и...

Он отвернулся так же резко, что-то сказал своему брату, и они снова направились туда куда шли. Словно и не было этой связи между нами. Этой хищности. Этой... я даже не смогла подобрать слова, чтобы описать то, что я чувствовала. Сейчас же вся моя спина была мокрой от того ужаса, что я пережила, заглянув в глаза зверю.

Да, зверь. Теперь я точно знала, чем вервольфы отличаются от нас. И, честно, рада была, что до этого их не встречала. Не встречалась бы с ними и дальше. Но это я, а у сестры были другие планы.

– Изабель, он на меня посмотрел! – Никакого страха в голосе, только чистый восторг. Мира была в экстазе. Если честно, раньше только одна вещь вызывала в ней такой восторг – чуррос тетушки Хуаниты.

– Кто? – заморгала я, будучи еще в каком-то трансе.

– Один из братьев! Ты видела, какие они красивые? Люсиель, конечно, всегда правду говорит, но иногда любит приукрасить...

Болтовня Мирабель проходила мимо меня. Меня до сих пор потряхивало от этого взгляда, то в жар бросало, то в холод. Сердце рывками колотилось в груди. Я еще никогда и ни на кого так не реагировала, как на этого незнакомца. И мне это совсем не нравилось. Не нравилось, что сегодня я почувствовала себя добычей.

– Идем за ними! – На этот раз я не прослушала самое важное в словах Миры.

– Ни за что, – тормознула я резвую сестру. – Они не цирковые звери, чтобы на них пялиться. Тем более ты уже их увидела. Что ты еще собираешься делать?

– Улыбаться им, чтобы они подошли познакомиться.

Я закатила глаза: честность и наивность Мирабель меня поражали.

– Мира, они не твой Артурио, – может, я говорила жестко, но хотелось, чтобы до сестры дошло раз и навсегда. – Они вервольфы. Для них мы стоим на другой ступени эволюции.

Мирабель насупилась.

– Они встречаются с людьми.

– Не для того, чтобы петь серенады под луной.

Новый порыв ветра постигла та же неудача, что и предыдущий: Мира натянула шляпку на уши так, что она едва не хрустнула.

– Вечно ты все портишь!

– Я голос разума.

– Ты зануда. Я все равно туда пойду...

Я поняла, что нужно менять тактику, иначе у моей... мягко говоря, неумной сестры хватит мозгов на то, чтобы побежать следом за хищниками и стать их добычей.

– В следующий раз, – я указала на вывеску, что раскачивалась на ветру. – Смотри, надвигается шторм. Пойдем домой.

Что ж, сегодня мне удалось уговорить сестру, но что делать, когда закончится шторм? У нее уже нездоровый интерес к этим Рамирес.

Я надеялась, что они здесь проездом, быстро закончат свои дела и покинут Лысую бухту.

Глава 3

– Это она! – слова Шана дошли до Дэя не сразу. Долетели до него будто сквозь толщу воды, в глубину которой он погружался сильнее и сильнее. Тонул. Тонул в самом притягательном аромате за всю свою жизнь. Аромате, который принес ветер. Втягивал запах носом жадно, вдыхал глубоко и едва сдерживал своего зверя. Это она. Они нашли будущую жрицу. И даже оглядываться не нужно было, чтобы это понять. Но он все-таки оглянулся. Чтобы увидеть двух местных девчонок. Одну тонкую, как ствол бамбу, другую круглую, как рыба импу.

– Которая из них? – поинтересовался Дэй, принюхиваясь. Он делал это на инстинктах, едва сдерживая зверя, готового сорваться вперед, выйти на свободу, догнать добычу. Обнюхать одну, другую, только бы убедиться, кому принадлежит этот аромат. А затем спариться.

Дэй сжал зубы до скрипа, только бы побороть этот порыв. Он, всегда и во всем привыкший себя контролировать, сейчас прилагал титанические усилия, чтобы не накинуться на совершенно незнакомую девчонку с самыми звериными намерениями. Ему, гордившемуся выдержкой, равнодушному к людям.

Которая из них. Он спросил это раньше, чем задумался. Раньше, чем инстинкты волка подсказали ему правильный

ответ. Раньше, чем осознал, что и спрашивать вовсе не нужно. Она сама посмотрела на него, в глаза, а кажется, в самое сердце, он почти перекинулся. Успел только сжать кулаки, поранив ладони миготом отросшими когтями. Боль отрезвила, вернула ему контроль хотя бы частично. Боль и ответственность за брата.

– Кажется, та, что в штанах. Надо бы подойти ближе, но я не могу...

Только сейчас Дэй заметил испарину на лбу Шана. Если у него, как говорят здесь, на Чужой земле, крышу сорвало, то как это ощущает молодой волк, даже представить сложно.

– Не надо, – медленно покачал головой Дэй, перехватывая сделавшего шаг вперед брата за предплечье. – Первая встреча – самая острая. Когда отец привез Сараси, она тоже одуряюще пахла. Все отмеченные Предками обладают особым ароматом, который действует на нас... раздражающе.

– Раздражающе? – усмехнулся Шан. – Я чувствую себя так, будто впервые женщину увидел. Сараси пахнет иначе.

Дэй подавил в себе желание снова принюхаться: чем меньше он будет впитывать ее аромат, тем лучше для девчонки.

– Может, дело в том, что она могущественная, – предположил Шан.

– Или что на ней нет запаха другого мужчины. Сараси пахнет нашим отцом. А эта девчонка пахнет только собой.

– Заберем ее прямо сейчас?

Как бы Дэйю не хотелось все закончить как можно скорее,

приходилось признавать, что это не лучший момент.

– Совсем голову вскружило запахом отмеченной? – бросил он. – Украсть девчонку посреди улицы у всех на виду? К тому же, ты сможешь контролировать своего зверя?

– Нет, – признался Шан. – Мне все сложнее и сложнее сдерживаться. Это ты у нас с парой, а мне Сараси напроорочила жрицу. Предки, она совершенство... Уходим!

Брата заметно потряхивало, а во взгляде то и дело вспыхивали и гасли желтые искры – предвестники явления волка. Дэй почти был уверен, что его взгляд выглядит так же. Но еще сильнее в его взгляде горела ненависть, потому что он утратил контроль рядом с какой-то девчонкой, пусть даже с избранницей Предков. Рядом с человеческой женщиной. Которую захотел так, как ни разу не хотел свою пару. Вот что злило сильнее всего! Что Предки вмешивались в его природу. В его жизнь. А ведь они с Шаном почти уплыли домой...

Дэй отправился на Чужую землю вместе с братом, потому что не любил ходить в должниках и желая доказать всем, что пророчества Сараси не сбываются. Нет, конечно, она может предсказать непогоду или болезни, но не решать судьбу Шана. На Чужой земле поначалу все шло хорошо: они посетили несколько стран, заглядывали и в большие города, и в маленькие деревни. Пока Шан искал отмеченную Предками, Дэй просто считал дни до встречи с Юмали и надеялся, что им не повезет. Они провели целых полгода на Чужой земле, но будущую жрицу так и не встретили. Пора было призна-

вать, что Сараси ошиблась и возвращаться домой.

Но тут случилась эта девчонка.

Дело в ее сладком аромате, кружащем голову. А еще в том, что жрицы принадлежали своим парам, альфам на островах джайо. Они прошли обряд инициации. Девчонка же никому не принадлежала, ни с кем из вервольфов не была.

А из людей? Мысль, что какой-то мужчина прикасался к его вожаденной добыче, заставляла зверя рычать и биться о клетку человеческого тела. Неистово. Дико. И зверя совершенно не интересовало, что на архипелаге Дэя ждет его пара. Сейчас его вели инстинкты. Проклятье джайо. Проклятье всех вервольфов. Вот такие человеческие женщины, что рождаются раз в десятки, а то в сотни лет, чтобы служить Предкам.

Проклятье и спасение.

Вот только Дэю такое спасение не нужно!

Он мотнул головой, сосредотачиваясь на брате, полностью взяв под контроль своего дикого волка. К счастью, отмеченная Предками не последовала за ними, повернулась и направилась в другую сторону. К счастью для себя и для Шана.

– Что будем делать? – хрипло поинтересовался Шан, когда они отошли достаточно далеко, чтобы не чувствовать сводящий с ума запах, хотя Дэй мог поклясться, что этот аромат навсегда вьелся в его память, и теперь он узнает его даже в толпе. Даже через весь город. – Украдем ее?

Это самое простое, что можно сделать. Так их отец поступил с Сараси – просто похитил отмеченную Предками.

– Запах будущей жрицы совсем мешает тебе думать, брат? – прорычал Дэй. – Разве ты не чувствуешь приближающийся ураган? Мы не сможем выйти из бухты, не говоря уже о том, что не стоит рисковать своей будущей парой. Поэтому придется дожидаться, пока море успокоится. Так зачем ее похищать?

– Чтобы никуда не делась? – с досадой ворчит Шан.

– Ты полгода прожил среди людей, и так и не понял их? Они тоже сбиваются в стаи, особенно в таких небольших поселениях. Стоят друг за друга горой и не любят чужаков. Украдешь ты эту девчонку, где станешь ее держать? В нашем доме, где же еще. Так как ты думаешь, к кому эта стая придет первыми, если пропадет одна из их женщин?

Шан молод, но не глуп.

– К чужакам, – кивает он. – Так что ты предлагаешь?

– Узнай все о ней. Познакомься. Человеческие женщины не меньше волчиц любят внимание и подарки. Она отмеченная, ее природа возьмет свое. Только не спугни. Люди здесь, на Чужой земле, живут в ограничениях стыда. В правилах приличия, как они их называют. В любом случае, до нашего отплытия тебе нужно провести инициацию. Привязать к себе свою пару. Может, и красть ее не придется. Если все делаешь правильно, она сбежит с тобой по собственной воле.

На лице брата расцветает хищная улыбка: ему по душе

план Дэя. Еще бы – соблазнить такую вкусно пахнущую девчонку. Тем более что она полностью во вкусе Шана: высокая, тощая и слабая. Нет в ней силы и ловкости волчицы. Красоты. С красотой отмеченной Предками вообще все сложно: рот большой, губы пухлые, точеные скулы, но вот почти все лицо занимают уродливые толстые стекляшки. Очки, которые носят только люди. Вервольфам подобное ни к чему: они прекрасно видят, слышат и чувствуют окружающий их мир. Слепая она, что ли? Сдернуть бы эти очки и посмотреть, какая жрица им досталась!

Не им. Дэй сам на себя разозлился за эти мысли. Она пара Шана, и как только брат попривыкнет к тяге к девчонке и сделает ее своей, они вернутся на острова джайо. Домой. И Дэя больше не станет будоражить ее аромат, потому что она будет пахнуть Шаном. Она будет принадлежать Шану.

Это то, ради чего он здесь.

Только так его зверь успокоится и перестанет рваться на волю. К этой девчонке.

Глава 4

Мне очень хотелось забыть о встрече с вервольфами. Вычеркнуть ее из памяти, будто и не было ничего, а если и было, то нечто незначительное, как измазаться сахарной пудрой: смахнула ее, и нет больше. Но приезд братьев Рамирес всколыхнул наш городишко посильнее приближающегося урагана. Ураганы в это время года частенько приходят, а вот вервольфы – это впервые, это необычно. Ко всему прочему, они почти рядом с нами поселились – через один дом. Поэтому за семейным ужином, на который мы по традиции собирались всей семьей, только и было разговоров, что о братьях Рамирес.

За длинным столом из белого дуба поместились все, даже еще пару стульев свободных осталось, на случай прихода гостей.

– Давненько я не встречал вервольфов, – даже дедушка оторвался от своих радиопередач. – Последний раз во время войны. Спас одного из них, когда его ранили, а его стая мне потом в благодарность подарила этот дом. Хороший был парень. Я же рассказывал?

– Сотню раз, – простонал мой двенадцатилетний кузен Адриан, за что получил подзатыльник от матери, моей тетки Андреа.

– Не перебивай дедушку, – шикнула она на сына.

– Но мам!

Дед – интересный собеседник, он много всего знает, в детстве я обожала его истории, в том числе и про спасенного вервольфа, но ему много лет, и он уже частенько забывает, что рассказывал, а что нет. Так что кузена можно понять. Но и дедушку обижать не хочется.

Обычно мы выслушиваем деда, изображая заинтересованность на лицах. Кто-то скажет, что так неправильно! А как оно – правильно? Обижать старика невниманием? В нашей семье принято уважать старших. А старшие еще и в большей заботе нуждаются. Вот мы и заботимся.

– Наверное, он был из богатеев, – хмыкнула Андреа.

– Так они все богатеи, кто в стае, – знающе заявил дед. – Стая за любого своего члена встанет горой.

– Или член встанет за стаю! – тихо хрюкнул Адриан. Недостаточно тихо, чтобы не получить очередной подзатыльник.

– Они же не все живут в стаях, – сказала мама, водружая на подставку в центре стола огромную сковороду с паэльей, а после занимая свое место рядом с отцом.

Мы как обычно ужинали в столовой, моей любимой комнате в доме. Большая и светлая, с тремя огромными окнами: на запад с одной стороны и на север с другой, поэтому закаты здесь всегда были великолепными, солнце окрашивало белые занавески то в розовый, то в золотой. Но сегодня за окном лило, и мы уже включили свет. Это еще хорошо, что гроза пока не разбушевалась, и электричество не выр-

было. Иначе пришлось бы зажечь свечи. Но для нас, жителей Лысой бухты, ужинать при свечах – как жить в стае для вервольфов.

– Нет, есть одиночки, – кивнул дедушка, тряхнув седой головой. – Изгнанники. Нарушившие закон стаи. Вот за них некому постоять.

Ужинали мы как обычно, но, пожалуй, впервые настолько серьезно обсуждали вервольфов.

– А братья Рамирес? – вскинулась Мирабель. – Они одиночки или часть какой-то стаи, как думаете?

– Если они вдвоем, они уже не одиноки, детка, – мягко поправил ее папа.

– Впервые слышу, чтобы из стаи выгоняли коллективом, – добавил дед. – Но могли изгнать одного, а второй за него заступился.

– Значит, они могут оказаться преступниками?

Все разом посмотрели на меня. Кто-то удивленно, кто-то укоризненно. Ветер и дождь за окном лишь подчеркнули затянувшуюся паузу. Ну а что? Дедушка сам только что сказал, что вервольфы одни не путешествуют, а если путешествуют, то не снимают старый дом пера Леонсо. Этим домом же детей пугают! В детстве я верила, что там живут духи. Нет, когда-то дом был красивым, трехэтажный, стильный, но потом сам пер Леонсо отправился в чертоги к Владыке, а его сын переехал в Вилемию. Так как продать в Лысой бухте такой дом по нормальной цене невозможно, то в нем никто не жил.

Пока эти Рамирес не явились.

Папа прокашлялся, поправил очки и заговорил первым:

– Изабель, мы не думаем о людях плохо, пока они не дали нам повод так считать, – в мягкий отцовский тон добавилась толика осуждения, а я отчего-то разозлилась.

Я не успела рассмотреть второго вервольфа, но мне хватило взгляда первого. Хищного, жадного, жестокого. Ну точно криминальный элемент. Я только в кино преступников видела, да и откуда им взяться в Лысой бухте? А у братьев Рамирес будто на лицах написано, что они опасны.

– Они не люди, – напомнила я. – Волки.

– Тем не менее они нам ничего не сделали, – поддержала папу мама.

– Пока, – пробормотала я и добавила громче: – Я так понимаю, что за мелочи не выгоняют из стаи.

– А с чего ты вообще взяла, что их выгнали из стаи? – вклинилась Мирабель, вперив в меня осуждающий взгляд.

– Дедушка же сказал.

– Нет, ты, – указала на меня вилкой сестра. – Дед не про братьев Рамирес говорил, а в принципе.

Да, немного неловко получилось. Но я не собиралась отказываться от своего мнения.

– Согласитесь, что это очень странно – встретить в Лысой бухте вервольфов? Словно они что-то скрывают. И они мне не понравились.

– Ты с ними даже не разговаривала, – рассмеялась Мира,

только сильнее подчеркивая мое дурацкое положение. А вот папа отнесся к моим последним словам серьезнее:

– Просто не понравились, Изабель? Или ты что-то... почувствовала?

Если бы можно было привлечь ко мне больше внимания, то он это сделал. Потому что все перестали есть и затаили дыхание.

Дело было в том, что женщины в папином роду были что-то вроде гадалок. Только не таких, какие на ярмарках со стеклянными шарами и картами сидят и обещают рассказать твое будущее за пару монет, а взаправду. Они по-настоящему видели будущее, могли предсказать болезнь или смерть. Страшный дар, между прочим. Который чуть не передался мне по наследству. В детстве было подозрение, что я все-таки унаследовала бабушкину способность: я всегда выигрывала в прятки, угадывала, когда к нам должны заглянуть гости. Но потом оказалось, что я просто умная. И удачливая немного. Никаких видений у меня не было.

А если бы и были, ни за что бы в этом не призналась! Я и так выделяюсь среди сверстников, потому что ношу жуткие очки.

– Просто не понравились, – подтвердила я.

Мирабель подобные разговоры не любила. Наверное, считала, что я перетягиваю на себя все внимание с нее, такой исключительной. Поэтому поспешила перевести тему:

– Скажи, дедушка, а вервольфы все красавчики?

– Красавчики?

– Ну да. Братья Рамирес нереальные...

Я была ей благодарна и предпочла дальше молчать. Но на папу моя тактика не сработала, он отыскал меня на кухне, где я мыла посуду – сегодня как раз была моя очередь.

– Все в порядке, совенок?

– Конечно, пап, – ответила я, намыливая тарелки. – Есть сомнения?

– Мне показалось, что появление в Лысой бухте вервольфов тебя взбудоражило.

Взбудоражило. Это слово не передавало и сотую долю того, что я почувствовала при нашем столкновении. Да и какое столкновение? Мы их издалека видели, а меня всю уже перетрясло. Но не признаваться же в этом отцу? Я сама себе с трудом в этом признаюсь.

– Они всех взбудоражили, – беззаботно рассмеялась я.

– Ты не все, совенок.

– Знаю, папа, – обернулась и посмотрела на него с искренней благодарностью. – Спасибо тебе за заботу. Я, наверное, испугалась, – призналась нехотя. – Они просто другие.

– Это не делает их ужасными.

– Что правда, то правда. Не волнуйся, твоя дочь не вошла в ряды итибров, и, Владыка упаси, не считаю, что волкам на нашей планете не место.

– Меня это радует, – рассмеялся папа. – Ты должна дать вервольфам шанс.

– Дам, если пересекусь с ними до их отъезда. Что-то мне подсказывает... Не дар! Просто интуиция, что они очень быстро заскучают в Лысой бухте.

Я надеялась, что ничего и никому давать будет не нужно, но уже на следующей день столкнулась с одним из Рамирес вновь.

Дождь продолжал лить как из ведра, но мы к этому уже привыкли. К тому, что дела можно делать и в такую погоду. Например, надев ярко-оранжевый дождевик и резиновые сапоги по колено. Мама действительно отправила меня за цыплятами, точнее, нас с Мирой, но сестра почти сразу свернула на другую улицу – усакала к своей подружке, чтобы вместе следить за вервольфами. Мне это не нравилось, но моего мнения она не спрашивала. Да и взрослая уже девочка! Ей зимой восемнадцать исполнилось. Как говорит тетка Марисиэла, в этом возрасте можно уже замуж. На мои двадцать тетушка лишь вздыхала и советовала не выдавать это страшное число. По мне так, во-первых, разница была небольшой, а во-вторых, все в Лысой бухте прекрасно знали друг друга, и о том, сколько кому лет. Впрочем, мне никто не нравился настолько, чтобы рассматривать его в качестве будущего мужа. На мужчин я смотрела... ну как на мужчин. Это Мирабель в каждом видеала потенциального ухажера. Даже в вервольфах.

Сегодня рынок был закрыт, да и кто станет выставлять палатки в такую непогоду? Поэтому я свернула в лавку дядюш-

ки Тонио. Мы не состояли в кровном родстве, хотя население Лысой бухты было таким крохотным, что большинство так или иначе приходились друг другу родственниками. Поэтому все по привычке называли женщин тетушками, а мужчин – дядюшками. Хлюпая прямо по огромной луже возле входа, я толкнула дверь в мясную лавку.

В нос тут же ударило смешение запахов сырого мяса и сыровяленого: колбас и огромных засоленных кусков, висящих под низким потолком. В успевшую напитаться влагой одежду вцепился холод. Свежая говядина, свинина и птица лежали на прилавке и в морозильном шкафу. Мясо в лавке занимало больше пространства, чем островок, выделенный для покупателей. Которых для такого ливня и такой крошечной лавки было непозволительно много. Энцо, управляющий единственной в городе закусочной, Артуруио и тетка Марисиэла. Вот последняя как раз приходилась мне родственницей – маминой кузиной. Но от этого она более приятным в общении человеком не становилась. Марисиэла обладала особой привычкой выискивать в людях и их поступках сплошные недостатки и сообщать о них им и окружающим. Причем делала она это настолько бесцеремонно, что временами хотелось провалиться под землю.

Если бы не дождь, я бы предпочла выбежать из лавки, пока она меня не заметила. Даже всерьез раздумывала над тем, что хуже – осадки с неба или осадок на душе после такой встречи. Но Марисиэла уже меня заметила.

– Изабель, деточка, кто выгнал тебя из дома в такой дождь как бездомную собачонку? – вот вроде посочувствовала, а я теперь «собачонка».

– Голод, – буркнула я, снимая капюшон.

– У вас нечего есть? – тут же перекрутила мои слова тетка. – Бедные дети! А я говорила Глории не выбирать твоего отца.

Как она это делает? Еще и папу приплела.

– Я рада, что мама его выбрала. – Кажется, с появлением вервольфов мне отсыпали искренности, но я не смогла удержаться.

Брови тетки взметнулись вверх.

– Почему?

– Потому что в обратном случае я бы не родилась.

Энцо, забирающий свой заказ, рассмеялся. У тетки не нашлось слов, а потом подошла ее очередь, и она переключилась на выбор мяса для стейков. Артурио за ее спиной показал мне поднятый вверх большой палец.

– Привет! Как дедушка?

– Хорошо, а что?

– Мира сказала, что он потянул голеностоп, и она вынуждена за ним ухаживать. Поэтому отказалась сегодня встретиться.

Это не поход в магазин, а целая череда неловкостей. Поэтому я растянула губы в натужной улыбке.

– Да, Мира очень заботливая.

И получит дома от меня за то, что приплетает дедушку в свои интриги! А если накарает?!

К счастью, Энцо быстро покинул лавку, ни о чем таком странном не спросив, а вот Марисиэла задержалась.

– А разве твоя сестра не шатается по городу с Люсиэль? Их очень интересуют братья Рамирес.

Артурио покраснел, затем побледнел, схватил свой заказ и выскочил из лавки.

– Зачем вы так? При нем? – раздраженно поинтересовалась у тетки.

– Ничто так не подталкивает мужчин к действию, как ревность, – припечатала она уверенно, а потом приложила руку к груди, потеряв ладонью область сердца. – Ох, что-то мне нехорошо. Пойду домой. Проводишь меня?

– Мне в другую сторону, – напомнила я. – К тому же, мама ждет цыплят.

Тетка хотела возразить, но захлопнула рот и убралась из магазинчика быстрее Артурио, а я задумчиво почесала лоб. Никогда еще победа в спорах с Марисиэлой не доставалась мне так легко. Да и не заметила я в этом собственных заслуг.

– Цыплята? – переспросил дядюшка Тонио, когда мы остались в лавке одни. Он почему-то тоже поправил ворот рубашки, будто ему что-то мешало дышать. – Сейчас посмотрю в подсобке.

И скрылся за дверью раньше, чем я успела сказать:

– Да вот же они...

Я совершенно ничего не поняла. А потом тихо звякнул колокольчик, и вместе с усилившимся шумом дождя в лавку будто шагнула сама опасность. В детстве у нас была кошка, когда она пугалась, ее шерсть становилась дыбом. Так и у меня возникло именно такое чувство: словно все волосы приподнялись как маленькие антеннки.

Я резко обернулась и уперлась взглядом в мужскую грудь, обтянутую тонкой рубашкой. Так как у обладателя груди не было дождевика или зонта, то рубашка была мокрой, и под ней все просвечивалось. Крепкие, литые мышцы, сильный пресс. Я такого красивого пресса еще в жизни не видела, поэтому вскинула голову и столкнулась взглядом с младшим из вервольфов. Да, тот на которого я пялилась в прошлый раз, явно был старше, а этот – моим ровесником. Хотя сложно было в это поверить с таким ростом и комплекцией. Но лицо у него было еще более красивое и точеное, губы пухлые и мягкие даже на вид. Брови густые, нос прямой и глаза такие, что в них можно упасть и не подняться. Красивые.

В этих глазах как раз заиграли смешинки. Видимо, я слишком долго пялилась.

– Нравлюсь? – поинтересовался Рамирес с хищной улыбкой.

Голос у него тоже оказался под стать: глубокий, тягучий, с легкой хрипотцой и неузнаваемым акцентом. Но вот это самоуверенное «нравлюсь» мигом привело меня в чувство, развеяв очарование и момента, и притягательность самого

вервольфа в моих глазах.

– Я, скорее, в шоке, – ответила честно. Ну а что? Мы вроде одного возраста, к тому же, остались наедине. Если он считает нормальным обращаться на «ты», то и я могу перейти на «ты».

– В шоке? – вид у вервольфа стал озадаченным.

– В наших краях не принято так ходить.

– Как – так?

– Так, – я хотела указать на идеальный пресс, потом поняла, что это совсем неприлично, в итоге обвела взглядом всего вервольфа, кажется, сделав еще хуже. Получилось что-то вроде того, что в Лысой бухте не принято ходить вервольфом.

– Когда тело видно сквозь одежду, – пояснила я и тут же прикусила губу. А надо было язык! Потому что мне уже от собственной откровенности хотелось провалиться сквозь землю.

– Ты поэтому ходишь в...

Рамирес взглядом прогулялся по моему телу: начиная от выбившихся из прически тугих колечек завившихся от дождя прядей и заканчивая носками моих ярко-синих сапог. Причем сделал это настолько откровенно, будто я не в бесформенном дождевике перед ним стояла, а полностью обнаженной. Словно он мог видеть меня через слои одежды. Чушь! Это невозможно. Тогда почему от этой «прогулки» в его взгляде появилась эта жадность, будто в этой мясной

лавке я самый желанный кусочек? Точно такой же был у его брата, а теперь у него.

Я даже инстинктивно сложила руки на груди, чтобы хоть как-то прикрыться, отгородиться от него, пока его взгляд гулял по мне, а сам вервольф, кажется, подбирал нужное слово. Не подобрав, он сдался:

– В этом.

– В дождевике? – уточнила я, и он кивнул. – Он защищает от дождя.

– Под ним не видно тебя, – вервольф шагнул ко мне, так близко, что в тесном пространстве лавки мы едва не соприкоснулись. Он своей мощной грудью и я – дождевиком. Меня мгновенно окутало ароматом дождя и мужчины, а еще будто какой-то неведомой силой. Он ко мне не притронулся, а у меня по коже яростно побежали мурашки. Или яростные мурашки... Я вдохнула этот аромат, и меня от него повело. Где там прохлада морозильных шкафов дядюшки Тонио? Я словно нырнула в горячую ванну, потому что мне стало жарко. Необъяснимо жарко. И не только мне: вервольф дышал так, будто перед этим пробежал марафон и его мучила жажда. Его грудь вздымалась и опадала, натягивая и до того обнаглевшую, облепившую ее ткань.

– А надо, чтобы было видно? – спросила хрипло. Не иначе как прогулки под дождем не пошли на пользу моему здоровью. Как еще объяснить окутавший меня жар и туман в голове?

– Конечно, – улыбнулся он уголком губ. – Я хочу посмотреть, какая ты красивая без этого. – Он потянулся к моим очкам, успел коснуться дужек, но я отшатнулась, врезавшись в свисающий с потолка толстый свиной окорок. Магия даже не развеялась, она разбилась, раскололась на множество осколков. Потому что никто не имел права трогать мои очки! Потому что никто не имел права без разрешения трогать меня!

Да и вообще я его раскусила. Его приставания. Да еще такие грубые. Это могло сработать на Мирабель, но не на мне.

– Руки не распускай! – рыкнула я так, что это, наверное, было бы достойно волчицы, а улыбка вервольфа растаяла, уступив место раздражению. Он сжал зубы, мигом меняясь в лице, и вновь шагнул ко мне. Я метнулась в сторону и чуть сама не снесла очки палкой колбасы. Пришлось придержать их двумя руками. Бегаю тут как суслик от... волка! Было бы смешно, если бы я не застряла с незнакомцем в этом узком пространстве. Потенциально опасным незнакомцем.

– Я тебя не обижу, Изабель. – Из-за акцента он разбивает мое имя на два слога, будто оно для него слишком длинное. Получается Иза-Бель.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – растерялась я.

– Твоя тетя тебя так назвала.

– Ты не мог услышать, ты был на улице... Ты что, подслушивал?

Вот и слушай передачи-триллеры про преследователей! Или у меня слишком живое воображение? Пожалуйста,

пусть будет последнее! Пожалуйста-пожалуйста.

– Да где же дядюшка Тонио?! – в сердцах поинтересовалась я.

Вервольф нахмурился, тяжело, как-то по-звериному вздохнул, будто действительно был волком, но, к счастью, больше не попытался меня коснуться. Может, конечно, появление Тонио напомнило ему о правилах приличия. Хотя, где он, а где приличия? Он же дикарь! Никто не предлагает девушкам в первую встречу заглянуть под дождевик и не пытается снять с них очки!

– Хуан, здравствуй! – радуется ему как родному дядюшка. Тонио вообще дружелюбный, но особенно он счастлив клиентам, которые покупают у него много мяса. – Ужасная погодка, не так ли?

– Если только вы не любите воду, Тонио, – улыбнулся... Хуан. Какой же он Хуан, если не вилемеец?

Дядюшке шутка пришлась по нраву: он расхохотался на всю лавку. Зато быстро меня обслужил, видимо, чтобы пообщаться с любимым клиентом. Я была этому рада, не оглядываясь выбежала из лавки, будто за мной гнались волки. Впопыхах забыв накинуть капюшон. Чем тут же «воспользовался» ливень, щедро полив меня водичкой. А очки на контрасте температур с магазинчиком еще и запотели. Надо было остановиться, вернуть капюшон на место и протереть их, но я понеслась по улице с желанием убраться подальше от вервольфа. Потому что жар никуда не делся, хотя он больше не

маячил перед глазами в своей... недообнаженной мужской красоте.

Перед глазами снова промелькнули все эти капельки, стекающие по груди вервольфа, в мельчайших деталях, и у меня запылали щеки. И я все-таки оглянулась, замечталась... Нет, решила посмотреть, не преследует ли он меня. Поэтому не смотрела вперед и на скорости, с размаху, врезалась в кого-то.

В кого-то – это я поняла по тому, что он был горячим на ощупь и перехватил меня за запястья, не позволяя мне упасть. По ощущениям же, я врезалась во что-то. Во что-то твердое и каменное. Рассмотреть я уже не могла: хозяйственную сумку с покупками я удержала, а вот мои очки все-таки сорвались и полетели на брусчатку.

Что было просто кошмаром, потому что мое зрение было таким, что краски мира, размытые дождем, вовсе превратились в серые пятна. Светлые, где небо, и темные, как человек, с которым я столкнулась.

– Прошу прощения, – выдохнула я, запаниковав. Представив, как сейчас буду ползать по дороге в поисках очках. А вдруг они попали в лужу? Вдруг их смыло дождевой рекой?! – Помогите найти очки. Без них я почти ничего не вижу.

– Хм, – прокомментировали сверху незнакомым голосом, – как же ты живешь?

У этого незнакомца почти не было акцента, разве что по-

хожая звериная хриплость. Но я узнала его и без очков: больше пришлых в нашем городе не было, а значит, это второй брат. Тот который в прошлый раз смотрел на меня как на букашку.

Только сейчас я поняла, что, испугавшись за очки, которые папа мне привез из столицы на тринадцатилетие, я не обратила внимание на тревожное, давящее чувство, что во мне вспыхивало при моем приближении к братьям Рамирес. Или, вернее, при их приближении ко мне.

Их сила давила на плечи, словно заставляя согнуться, преклонить колени, но, видимо, я сегодня достаточно перенервничала, чтобы убежать. Да и куда я побегу? Даже «куда глаза глядят» не получится, потому что они у меня не глядят!

– В очках, – ответила я, облизнув губы и почувствовав, что он убрал пальцы, которые до этого браслетами стискивали мои запястья. Убрал, а призрачный жаркий след остался. – Вы можете?

Я протянула руку, не особо на что-то надеясь, но сейчас я действительно могла передвигаться разве что на ощупь. Вервольф молчал и не шевелился, и, если бы не по-прежнему не размытый силуэт передо мной, я бы решила, что давно ушел, оставив меня стоять с протянутой рукой. Хотя вру. Я его чувствовала. Не знаю как, но чувствовала. Силу. Ярость. Я почему-то была уверена, что он злится. Но не понимала, почему. Вряд ли на меня. С чего бы?

– Не можете, – решила я и, осторожно перехватив сум-

ку, попыталась опуститься на корточки. – Скажите хоть, в какой они стороне.

Он меня остановил, поставил ровно, будто я была упавшей с полки куклой. А затем силуэт исчез, но ненадолго. Потом он шагнул ко мне, загородив своей тенью остальную серость ненастного дня. Испугаться я не успела: и так из-за очков переживала. До меня донесся самый желанный звук в мире – так щелкали крепления на дужках, когда я раскрывала очки.

– Спасибо, – улыбнулась я, снова протягивая руку и упираясь ладонью в горячую грудь. Кажется, у братьев было такое хобби – гулять под дождем без курток или дождевиков, потому что я словно обнаженной кожи коснулась. Но нет, это вроде тоже тонкая ткань рубашки.

Рамирес дернулся, и я тоже. А потом вздрогнула повторно, когда ощутила пальцы на своем подбородке. Он меня рассматривал?! Пару мгновений, но я чувствовала его блуждающий взгляд. Даже увидела его, хорошенько прищурившись. Увы, не настолько четко, как хотелось бы, но увидела.

– Ничего особенного, – припечатал вервольф.

– Простите? – переспросила я, чувствуя, как к щекам приливает краска, а он взял и надел на меня очки. Реальность обрела резкость и яркость. Я смогла рассмотреть мужчину, возвышающегося надо мной, его темные глаза, резкие черты, более тонкие, чем у брата, губы, щетину на подбородке. За мгновение смогла. Потом он просто обошел меня и отпра-

вился своей дорогой, а я двинулась домой. Хотя, наверное, я двинулась головой, потому что весь путь до дома думала о той его фразе.

Ничего особенного.

Они явно иностранцы. Так что, наверное, он хотел сказать «не за что», просто перепутал. Но почему-то мои самооценка и проклятая интуиция подсказывали, что говорил он обо мне. Обо мне, о моей внешности.

Глава 5

Я думала о бесовых вервольфах весь оставшийся день. И когда помогала матери на кухне, и когда убирала свою комнату, и когда решила почитать. Захлопнула книгу, осознав, что перечитываю один абзац по третьему разу, но смысл слов от меня ускользает. В моей памяти братья Рамирес слились в одного мужчину, который сначала тянулся ко мне, чтобы снять очки и посмотреть, насколько я красива, а затем с разочарованием сообщил: «Ничего особенного».

Вот это «ничего особенного» и не давало мне забыть этот эпизод и бесовых Рамирес!

Я бросила книгу на кровать, поднялась и направилась в ванную. Включив свет и заперев двери, я уставилась на себя в старенькое, потертое временем зеркало. Не просто уставилась – придирчиво всю себя осмотрела. Начиная от волос, привычно стянутых в хвост, до фигуры. Немного подумав, распустила волосы. Они мне нравились: не такие длинные, как у Миры, но густые, блестящие. Фигура у меня, конечно, не классическая, но и не похожа на яблоко, как у тетки Андреа. Спасибо Владыке! Но подержаться, как говорит Артурио, не за что. Мне уже двадцать, а нужные женские изгибы у меня так и не появились. Не то, чтобы совсем, небольшая грудь у меня была, и ягодицы тоже, но вот не такие, за которые приятно держаться по мнению Артурио. Впрочем, вер-

вольфы смотрели не на мою фигуру, им не понравилось мое лицо.

Я подалась вперед, сосредоточившись на нем. Брови широкие, нос небольшой, рот наоборот большеват, но зато зубы ровные и кожа чистая: ни шрамов, ни следов от подросткового периода. Золотистая и с ровным загаром. Лицо как лицо, конечно. До этого дня я всерьез не задумывалась о том, красивая я или нет. Но, как, наверное, каждой женщине на свете, мне хотелось быть красивой.

Все портили очки. Они, как забрало у рыцарского шлема, заслоняли меня, перетягивая на себя все внимание с загара и улыбки. Поэтому я решительно стащила их, чтобы оказаться в туманной реальности. Мое отражение в зеркале поплыло, словно его размыло дождем.

Папа с детства называл меня совенком, значит ли это, что у меня большие глаза? В очках они казались маленькими и не очень красивыми, а какая я без очков – я не знала. Наверно, я выгляжу не совой, а кротом, который щурится и промахивается мимо вещей.

Ничего особенного.

Внутри меня вспыхнул гнев. Сдалась мне ваша красота и особенность! Никуда от этого не деться, если выбирать между красотой и чтением, то я выберу последнее. А еще ходить и не наткаться на мебель. Поэтому я вернула очки на место и мысленно приказала себе выкинуть из головы всякую ерунду. Вервольфы даже мне не нравятся, так почему мне

так важно понравиться им? Не важно! Бред же. Красота вообще не главное. Мой муж, если он когда-нибудь у меня будет, полюбит меня за мой характер. За мою душу.

Спускаясь по лестнице, я рассерженно вела ладонью по перилам и вдруг руку больно кольнуло. Поднеся ее к глазам, осознала, что занозила палец. И вздрогнула, вспомнив свои детские приметы. Занозить палец – это к неприятной встрече. Запоздалая примета, скажу я вам, у меня уже столько неприятных встреч за сегодня было, куда больше?

Я сунула палец в рот и присоединилась к маме, которая делала тесто для пирожков.

– Надень сегодня платье, Изабель, – попросила мама. – К нам на ужин придут гости.

– Тетка Марисиэла? – уточнила я. Мама, конечно, часто ворчала, что я больше похожа на ковбоя, чем на молодую женщину, но обычно не была против того, чтобы я носила штаны. Исключение она делала только для визитов кухни. Потому что мне проще нарядиться в платье, чем потом весь вечер слушать, как меня неправильно воспитали.

– Нет, – покачала головой мама, раскатывая тесто. – Папа пригласил наших новых соседей.

Я была в очках, но чуть не села мимо стула.

– Соседей? – переспросила, уже догадываясь каким будет ответ.

– Братьев Рамирес.

Ну зачем, пап? Это единственный вопрос, который мне

хотелось задать отцу. Но я его не задала. И так было понятно, зачем. Точнее, из-за кого. Из-за меня. Я прекрасно знала своего папу: таким образом он хотел доказать мне, что Рамирес просто соседи. Тихие, мирные, безвредные... волки. Также посмотреть, не расистка ли его дочь. Если это правда, то притвориться больной и отказаться от ужина не получится. Папа пригласит их в следующий раз.

Думаю, была и иная причина: братья – новые люди, то есть, вервольфы, в наших краях, поэтому все хотят, если не сказать жаждут, познакомиться с ними. Моя семья не исключение, а Мирабель вовсе пустится в пляс, когда увидит своих новых кумиров близко-близко. Вопрос в другом: почему Рамирес приняли это приглашение?

Почему именно приглашение отца? Уверена их позвали родители Люсиэль и даже Энцо на ужин пригласил в качестве рекламы закуской. Он всегда так делал, когда в Лысую бухту забредали туристы. Мой папа рыбак, он ходит на своей лодке в море и вместе со своей командой ловит рыбу для всего городка. Он уважаемый человек, но не сказать чтобы влиятельный. Мэр, конечно, всегда прислушивается к его словам, но пришлые вряд ли знают такие тонкости.

Все это более чем странно.

К счастью, Рамирес не в курсе, что он мой отец, поэтому увидят меня, почувствуют себя неловко и быстро уйдут. Такой был план. Я только не учла того, что Рамирес и неловкость – несочетаемые вещи.

Братья вошли через парадную дверь так, будто это они владели этим домом, а не моя семья. В рубашках в клетку и в джинсах они все равно выглядели хозяевами жизни. На этот раз каждый воспользовался зонтом-тростью, поэтому дождь их не коснулся. Я наблюдала за ними с лестницы на втором этаже. Вообще-то не только я: рядом, перегнувшись через перила, торчал кузен Адриан, а чуть ниже зависла нарядная Мира. Хотя нарядная – это не то слово, она вплела живые цветы в прическу, надела красное платье, в котором бегала на свидания с Артурио.

Мой наряд был поскромнее: белое платье с лиловой каймой по краю юбки и по оборкам лифа. На талию я повязала лиловую, в тон, ленту. Пока одевалась, успела несколько раз обругать моду на обнаженные плечи. Причем Мире такой фасон шел, у нее лиф держал грудь, а вот по моей платье соскальзывало, как-то слишком меня обнажая. Конечно, я могла наплевать на мамину просьбу и спуститься на ужин в джинсах. Но какой-то бес, не иначе тот самый, что заставил меня рассматривать себя в зеркале, толкнул меня в сторону выбора платья.

Ничего особенного? Я очень даже особенная! Именно мне хотелось доказать если не Рамирес, то самой себе. Особенная, красивая даже в очках.

Все мои планы полетели койоту под хвост, когда Рамирес перешагнули порог моего дома со скучающими лицами. Впрочем, младший, Хуан, тут же задрал голову и безоши-

бочно отыскал меня. Его взгляд скользнул по моим обнаженным плечам так откровенно, будто я была голой полностью. Откровенно, жадно, жарко, а после вервольф самоуверенно улыбнулся. Я не ответила на улыбку, отвернулась, но спускаться вниз все равно пришлось. Спускаться и одергивать себя, чтобы не натягивать на плечи платье, которое на них в принципе не натягивалось по фасону.

Конечно, взгляд второго вервольфа я пропустила, да и не уверена, что он на меня смотрел: он сразу направился к отцу, пожимая его ладонь.

– Добро пожаловать в мой дом, Даниэль, – поприветствовал их папа. – Хуан. Я слышал, что вы не терпите чужих прикосновений.

– Не терпим, – подтвердил Даниэль, – но уважаем чужие традиции.

– Мы тоже их уважаем. Расскажите о своих?

– Даниэль, – мечтательно пропела Мира, спеша вниз. – Какое красивое имя.

– Уже не боишься, что нас услышат? – поинтересовалась я, пропуская ее вперед.

На что она лишь поиграла густыми бровями:

– Я хочу быть услышанной.

– Делай, что хочешь, только не втягивай меня в это, пожалуйста, – попросила я и почувствовала спешащие вдоль позвоночника мурашки – верный признак волчьего взгляда. И чуть не подпрыгнула от раздавшегося буквально за спиной

бархатного голоса:

– Втягивать во что?

Достижение – я даже не врезалась в Хуана, обернувшись. Видимо, поняла на уровне инстинктов, что рядом с ними лучше не делать резких движений.

– Моя сестра говорит про гуляния в Лысой бухте, – Мира шагает к нему. – Традиционный праздник. Через две недели. Вы с братом придете?

Он почему-то снова посмотрел на меня.

– А Изабель, значит, не собирается на него идти?

Вообще-то, на гуляния ходили все, и я не исключение. Ежегодный праздник представлял собой конкурс на лучший пирог, разные игры на силу и ловкость, танцы и, конечно же, просмотр фильма на большом полотне под открытым небом после заката. В нашей глубинке не так много бывает развлечений, чтобы пропускать хотя бы одно из них! Тем более такое масштабное.

– Я еще раздумываю, – ответила я.

– Вы знакомы? – ревниво поинтересовалась Мира. Она посмотрела на меня своим фирменным взглядом, которым отваживала других девиц от Артуруио, но на мне это не работало.

– Познакомились в мясной лавке. – Пусть теперь кусает локти, что не пошла со мной за цыплятами.

Судя по виду сестры она тоже об этом подумала, но тут же нацепила самую лучшую свою улыбку и протянула Хуану

руку.

– Мирабель. Ее младшая сестра. Для друзей просто Мира.

Вместо того, чтобы галантно поцеловать тыльную сторону ладони, Хуан ее просто пожал, раздосадовав Миру.

– А мы уже друзья? – усмехнулся Хуан, почему-то посмотрев на меня. И так, будто невинное «друзья» подразумевало что-то еще.

– Папа не приглашает в гости врагов, – сказала я и направилась в столовую под недовольное шипение Миры:

– Изабель!

Сегодня мама расстаралась: достала старинный фарфоровый сервиз, наследие ее прабабушки, приготовила множество деликатесов – рыба, морепродукты, мясо, и даже приоделась в платье цвета красного вина, а волосы, как и Мирабель, украсила живыми цветами белого гибискуса. Помимо вервольфов на ужин пришла моя старшая сестра Вероника вместе с супругом. Уверена, узнай весь город, что мы пригласили Рамиресов в гости, все жители напросились бы тоже. Или, по крайней мере, попытались бы втиснуться в наш дом. Например, родственники.

Кстати, о родственниках.

– А тетушки Марисиэлы сегодня не будет? – поинтересовалась я у матери, сбежав от Хуана и Миры.

– Я ее пригласила, но у нее прихватило сердце.

Действительно прихватило, раз тетка не пришла посмотреть на вервольфов. Но, может, это и к лучшему.

Додумать мысль я не успеваю: через другую дверь, из гостиной, появляются отец и Даниэль. Даниэль? Имя ему совершенно не подходит, слишком мягкое для мужчины, сделанного словно из камня, из острых граней, о которые можно порезаться. Старший Рамирес на меня не смотрит, но я все равно чувствую его присутствие всей своей сутью. Комната будто заполняется силой, как воздушный шар воздухом. Вот только от нее сложно дышать. У Хуана другая энергетика, более мягкая, не такая подавляющая. Рядом с ним я могу находиться, но в одной комнате с Даниэлем мне находиться почти больно. Сердце будто сдавливает невидимой рукой, и я вспоминаю Марисиэлу и Тонио. Им тогда стало плохо в лавке незадолго до появления Хуана. Может, у нас с ними какая-то сверхчувствительность к вервольфам? Аллергия? Но, помимо этой энергетики, есть в этом Рамиресе что-то слишком властное в том, как он двигается, как себя ведет. Спокойно. По-королевски. Словно он уже король этого мира. Вождь. Альфа.

Так вервольфы называют главного волка, главу стаи – альфой. Чем могущественнее альфа, тем многочисленнее у него стая. А у Даниэля всего лишь один брат. Как такое возможно? Или мое предположение верно? Насчет того, что его изгнали. Могут ли вообще изгнать альфу? А главное – за что?

Пока я все это думаю, все занимают свои места. Даниэль, как почетный гость, садится возле отца, напротив матери, а вот Хуан занимает место кузена Адриана возле меня, чем вы-

зывает новую вспышку недовольства у Миры, которая оказывается по другую сторону стола – тетка Андреа не желает уступать ей свое место рядом с младшим вервольфом.

– Кажется, твоя сестра преследует меня, – прошептал Хуан, склонившись ко мне и согревая дыханием мою шею. Всего лишь на секундочку, но это заставило меня сесть ровнее.

– Теперь ты понимаешь, что чувствую я, – припечатала я.

– Я мужчина, – вполне серьезно заявил он, – мне можно.

Это суть всех брачных игр – охотиться за волчицей. Она убеждает, ты догоняешь. Не наоборот.

Брачных игр?!

– Я не волчица.

– Нет, – покачал он головой. – Но ты мне нравишься.

– Чем?

– По запаху. Ты приятно пахнешь.

От подобной откровенности я опешила.

– И девушки на это ведутся?

Хуан нахмурился, очевидно, силясь понять, что делает не так.

– Я не говорил это никому, кроме тебя.

– Конечно-конечно, – кивнула я, но сарказма в этих простых словах было столько, что им можно было наесться взамен маминой стряпни.

– Я рад, что вы приняли наше приглашение, – сказал папа гостям. – Нечасто увидишь новых жителей в наших краях. Вы к нам надолго?

– Как получится, – ответил Даниэль. Он сидел по диагонали, и я отлично его видела, как и он меня. – Нас привело сюда одно дело. Уедем, как только сможем его выполнить.

Вот вроде ничего особенного, но я почему-то поймала его мимолетный взгляд на себе. Бред! Их дела никак не могут быть связаны со мной.

– Мы можем вам как-то помочь? – поинтересовался папа. – В ваших делах.

– Спасибо за доброту, но это семейное, – ответил за брата Хуан, за что поймал одобрителный кивок.

– Расскажите, откуда вы родом, – попросила мама.

– Мапину. Полуостров Роага.

Не край мира, конечно, но достаточно далеко от Вилемии. Впрочем, на Роаге когда-то были вилемейские колонии, это объясняло их имена и знание языка. И экзотичную внешность.

– Ваши предки, наверное, смешивались с местными волчьими племенами, – озвучил мою мысль дедушка. И за столом повисла неловкая пауза.

У того, что мы не сталкивались с вервольфами, была и обратная сторона – все знания о них ограничивались выпусками радиопередач. Но эти передачи создавались людьми для людей, а значит, где-то ведущий мог приукрашивать, где-то вовсе выдумывать, а что-то в принципе мог не знать. Например, вещи, которые могли их оскорбить.

Вот и сейчас напряжение повисло в воздухе. Той самой си-

лы, которую я чувствовала в присутствии вервольфов, будто стало больше. Я метнула взгляд на Даниэля, пытаюсь предугадать, как он отреагирует, но внешне он остался невозмутим.

– Я и Хуан – чистокровные представители одного из этих племен, – ответил он спокойно, но вместе с этим высокомерно.

– Значит, там ваш дом, – улыбнулась мама. – Скучаете по нему? По родным?

– Да, – так же коротко подтвердил Даниэль. Но не расслабился, наоборот, силы стало как будто больше. Словно напоминание о родных всколыхнуло не лучшие чувства, а мамина попытка сгладить угол только его обострила.

– Далеко же вас занесло от дома, – присвистнул муж Вероники. – Надеюсь, ваше дело того стоит.

– Стоит, – ответил на этот раз Хуан. – Оно очень важное для нашей семьи.

И за откровенность получил неодобрительный взгляд старшего брата.

– Прости нас, Даниэль, – разрядил обстановку папа. – И ты, Хуан, прости. Мы мало знакомы с традициями вервольфов, но будем рады, если вы расскажете о них.

– Только если взамен поделитесь рассказом о своих, – кивнул Даниэль. Это меньше всего напоминало вежливые беседы за ужином, скорее, какие-то бизнес-переговоры.

– Договорились, – улыбнулся папа. – Что за дело привело

вас в Лысую бухту? Возможно, мы можем с ним помочь.

– Дай нашим гостям поесть! – игриво попросила мама, хотя за этой игривостью я уловила привычное раздражение, которое ее охватывало, когда кто-то недооценивал ее готовку. Поэтому лично я утащила с общего блюда несколько закусок: зря что ли я их делала? Обычно на нервах у меня пропадал аппетит, но тут, наоборот, проснулся.

Остальные тоже потянулись за едой. Вервольфы – за мясными деликатесами, кто бы сомневался.

– Возможно, с одним из них вы, как потомственные жители Лысой бухты, сможете, – продолжил разговор Даниэль, когда все по-настоящему приступили к ужину. – Мы ищем женщину с даром видящей. Прорицательницу. По нашим сведениям, в этих краях как раз жила такая.

То ли от его слов, то ли от взгляда, ввинтившегося в меня, корзиночка с вареными кальмарами пошла не туда, куда нужно. Я подавилась и закашлялась. Правда, сильная ладонь, с глухим стуком опустившаяся мне на спину, заставила проглотить все крошки-кусочки. Прикосновение Хуана обожгло, еще больше меня обожгло, когда он провел пальцами вниз по моей спине до самой поясницы. Когда я уже хотела возмутиться, отдернул руку, будто и не было ничего. Может, и не было. Может, мне все показалось. Тогда почему поясницу по-прежнему печет там, где он прикасался?

– Все в порядке, Изабель? – поинтересовался он участливо.

– Да. Просто подавилась.

– Моя жена видела будущее, – признался дед, возвращая меня к моменту, из-за чего я вообще подавилась, – волшебница была. Ураганы предсказывала. Имена тех, кто в море сгинет, знала. Но ее уже год как нет с нами.

– Мама умерла восемь лет назад, – поправила его тетка Андреа.

– Ваша мама? – уточнил Даниэль.

– Нет, она была моей свекровью, но перед смертью успела стать мне матерью.

– Жаль. Сочувствую вашей потере.

Не знаю, испытывает ли он настоящее сочувствие, по его голосу это невозможно почувствовать. Вежливый интерес, но не сопереживание. У меня вообще возникло ощущение, что все свои эмоции Даниэль держит под замком, а на лице у него лишь маска цивилизованности. И на меня он будто старается не смотреть. Не знаю, чем я ему не угодила.

– Уверен, мама – моя родная мама, в лучшем мире, – кивнул отец. – Зачем вам видящая?

– Это уже личный вопрос.

– Понимаю.

– Я слышал, дар передается по наследству, – вот теперь Даниэль посмотрел на меня, и мне стало по-настоящему неудобно. При чем здесь я? Посмотри на Веронику или Ми-рабель!

– Так и было в моем роду, – согласился папа. – Он пе-

реходил от матери к дочери. Но потом у родителей рождались только сыновья, и на этом цепочка, наверное, прервалась, потому что мои дочери его не унаследовали.

– Жаль. – В этом «жаль» было не больше чувств, чем в предыдущем.

– Я надеюсь, что вы найдете видящую в другом месте, – пожелала я, – и узнаете ответы на все свои вопросы.

– Непременно, – кивнул Даниэль. – Но у нас есть и другие дела.

Хвала Владыке, меня и моей семьи они теперь точно не касаются!

Глава 6

Шан никогда не был обделен женским вниманием. Сын могущественного альфы, истинного верховной жрицы, что нашел ее на Чужой земле. Брат сильнейшего воина джайо. Сильный, ловкий, уверенный в себе, даже еще не будучи альфой, он сам притягивал к себе взгляды и улыбки волчиц. И не только. На архипелаге были волчицы, которые по какой-то причине потеряли пару или предпочли остаться в одиночестве. Только одиночками они не были, выбирая себе молодых, полных сил любовников. Одна из них и научила Шана всему в искусстве любви, новичком в чувственных играх он не был. А после путешествие на материк в принципе показало Шану, что человеческие девушки мало отличаются от волчиц. Да, они более скованы правилами, но все равно ни одна не могла устоять перед его животным магнетизмом. Стоило дать почувствовать женщине, что она красива, привлекательна, желанна, все барьеры рушились. Что на островах джайо, что во всем остальном мире это работало.

Аккурат до встречи с Изабель.

Может, дело было в том, что Шан знал – она избранная предками. Предназначенная ему. Поэтому он изначально относился к ней по-особенному, по-другому, чем к остальным. А может, потому что дурел от ее запаха всякий раз, когда приближался к Изабель ближе, чем на сто метров. Дэй уве-

рял, что он привыкнет, что станет легче, но легче не становилось. Когда он видел будущую жрицу, ощущал ее аромат, его зверь словно срывался с цепи. Не говоря уже о прикосновениях. Схватить, присвоить, сделать своей – это все, о чем рядом с ней мог думать Шан. Зверя не волновали последствия или здравый смысл, которому люди поклонялись больше, чем своему единственному богу. Он был на то и зверь, чтобы следовать собственным инстинктам. Чтобы силой будущего альфы заставлять врагов склоняться к земле, а женщин – сгорать от желания быть с ним.

Но с истинной, его Шана истинной, это не сработало. Точнее, сработало, но совсем не так: Изабель почувствовала его силу и отшатнулась. Шарахнулась в сторону, будто ей было больно или до безумия страшно. Шан использовал силу, чтобы убрать из того магазина надоедливую бабу и всех остальных. Чтобы они остались с истинной наедине. Он ждал этого момента, думал, что скажет. Считал, что основная проблема будет в том, что это ему будет сложно сдерживаться рядом с такой желанной будущей жрицей. Что с ней будет все как с другими. Разве что ярче, лучше, правильнее.

А она сбежала, не оглядываясь. Даже свой смешной капюшон не накинула. И в брата врезалась. Зверь Шана чуть окончательно не сорвался, когда Дэй прикоснулся к его истинной. Пусть случайно, но все-таки прикоснулся! И увидел ее без очков. Пришлось напомнить себе, что Дэй на нее вообще не претендует. У него уже есть пара – красавица Юмали,

и здесь он для того, чтобы помочь Шану. А Шан еще увидит свою Изабель без этих уродливых штук. Обязательно.

Именно благодаря Дэй братья узнали про особенность рода Изабель. Одна из многочисленных городских тетюшек поделилась этим по секрету. Люди, что с них взять! Они так интересуются жизнями других, больше, чем собственными. Дэй сразу придумал, как войти в доверие к семье его истинной. Как приблизиться к ней. Но с бабкой Изабель вообще все оказалось более чем интересно.

– Думаешь, они могли быть отмеченными предками? – поинтересовался Шан у брата. – Потенциальными жрицами?

– Вполне.

– У их отца три дочери. Они могут все обладать даром.

– Проверим.

– Если это так, надо забрать всех.

– Ты одну сначала забери! – прорычал тогда Дэй. – Зачем пугаешь девчонку?

Шан никого не пугал. Точнее, не собирался делать этого. Да и не чувствовал он страха в Изабель. Смущение, раздражение, злость, досаду, но не страх.

– Она не боится, – возразил он. – Но я ничего не понимаю. Изабель должна чувствовать то же, что и я. Это сводящее с ума притяжение. Чувствовать нас, как чувствуют волчицы. Так почему она не чувствует?

Дэй задумчиво потер подбородок.

– Она не вервольф. Не понимает, что к чему. Не понимает

своих чувств.

– Изабель меня не хочет, – мрачно подвел итог Шан.

– А ты узнай, чего она хочет. Или кого.

– Если это кто-то конкретный, то ходить ему без причиндалов, – прорычал молодой волк.

Но в нежном дурманящем аромате истинной не было мужских запахов. И Шан решил, что дело в этом. Она от него шарахается, потому что еще не была с мужчиной. Не знает какво это, как это приятно – поддаться общей страсти. Принадлежать своему истинному.

Принадлежать ему.

Поэтому Шан собирался ее приручить. Медленно. Красиво. Он ни разу не ухаживал за женщиной, но Изабель не просто женщина. Она его истинная. Значит, достойна подарков и особых знаков внимания. Они должны узнать друг друга поближе. И лучший вариант – прийти в гости к ее семейству. Сидеть возле нее, впитывать ее аромат и будто невзначай прикасаться к Изабель.

– Перестань ее лапать у всех на виду, – процедил Дэй, когда все после ужина переместились в гостиную.

– Хорошо, – пообещал Шан. – Буду лапать, когда мы с ней останемся наедине.

И этот случай предоставился ему, когда Изабель вызвалась остаться и убрать со стола.

– Я помогу, – сказал он, и ее сестра тоже вскочила:

– И я!

Пришлось слегка отпустить силу, чтобы девчонку впечатало в стул.

– Хотя я лучше присоединюсь ко всем остальным, – охнула она, убегая прочь, а Шан, довольный собой последовал за Изабель. За своей самой вожаделенной добычей.

Он уже предвкушал, как прикоснется к ней, когда у нее будут заняты руки. Обнимает сзади, касаясь губами нежной кожи за ухом или обнаженного плеча. Сегодня вечером она особенно прекрасна в этой одежде. Шан знает, что человеческие женщины одеваются так, чтобы понравиться мужчинам. Стать красивее. И платье действительно еще больше подчеркивает хрупкую красоту Изабель. Неужели она не настолько равнодушна к нему, как может показаться? И ему удастся украсть у нее пару поцелуев?

Но истинная встретила его на кухне с самым воинственным видом: она уже поставила посуду в мойку, а руки сложила на груди, вперив в него строгий взгляд. Рассмотреть ее глаза было почти невозможно, но строгость во взгляде он почувствовал всей кожей.

– Что ты сделал с моей сестрой?

– Что? – поднял он брови. Она это почувствовала?

– Это какое-то психологическое воздействие? Волчьи трюки? Признайся, или я все расскажу отцу прямо сейчас!

И она действительно направилась к выходу.

Шан преградил Изабель путь: просто сделал шаг в сторону, заслонив проход целиком. Но вовсе не для того, что-

бы воевать с ней. Какой дурак станет воевать с хорошенькими девушками? Тем более со своей будущей истинной. Она создана для совершенно других вещей, гораздо более приятных. Изабель, видимо, так не думала и посчитала его жест угрозой, потому что схватила какую-то толстую деревянную палку, предназначение которой Шан даже не знал. Он, конечно, на материке пробыл полгода, но узнать обо всем невозможно, вот и палка для него сейчас была загадкой.

– Это не трюк, – он вытянул руки перед собой, продемонстрировав ей ладони – смотри, я тебе не угрожаю. – Это врожденная способность альф.

Изабель, явно собирающаяся его поколотить этой штуковиной, перехватила ее двумя руками.

– Ты альфа?

– Нет. Пока нет, но собираюсь им стать.

– Для этого нужно победить другого альфу, – кивнула она. – В честном бою.

– А ты много знаешь о вервольфах, – удивился Шан. Он успел заметить, что люди и вервольфы на Чужой земле живут обособленно друг от друга. Как здесь говорят – параллельно, не особо интересуясь жизнью другой расы. Изабель же, выходит, интересны волки и их жизненный уклад. Его удивило именно это, но девушка по-настоящему оскорбилась.

– Конечно. Я образованная женщина. Слушаю радио, читаю книги. Почему я не должна знать про альф?

– Потому что женщины, с которыми я сталкивался, не зна-

ли. До тебя, конечно же.

Зря он сказал про женщин! Какой женщине понравится упоминание других? Но Изабель немного расслабилась: он услышал-почувствовал, что ее пульс больше не напоминает ритм ритуальных барабанов, а дыхание постепенно выравнивается.

– У них нет дедушки, который однажды спас вервольфа.

– Прости. Я не силен в вилемейском. Ты сказала, что твоего деда спас вервольф?

– Нет же, – раздраженно поправила она. – Вервольфа спас он. На войне. Мой дед выходил его раненого.

Шану было сложно в это поверить: в то, что слабенький человек смог вытащить откуда-то вервольфа, сильного волка, и что он вообще взялся откуда-то его вытаскивать.

– Круто! – подхваченное на материке словечко очень точно описало то, что он сейчас чувствовал.

Изабель кивнула уже без злости, а после и вовсе опустила палку.

– Так что ты с ними сделал?

– Слегка надавил силой альфы.

– Слегка?!

– Совсем чуть-чуть, – объяснил Шан. – Вызвал необъяснимое чувство страха. Паники.

– Какой кошмар! – ахнула Изабель.

– Людям это не вредит.

– Все равно ты ими манипулируешь. – Разочарование ис-

тинной отозвалось горечью на языке, настолько оно было искренним и сильным. – Так нельзя!

– Почему? – разозлился Шан. Волк внутри зарычал, клацнул зубами, требуя перехватить инициативу. – Если они слабы, то должны подчиняться воле альфы. Моей.

– Они не твоя стая. Не твои враги. Они люди. Это нечестно и жестоко. И ради чего это?

– Чтобы остаться с тобой наедине, – сухо объяснил Шан. Не так он представлял их разговор и вообще общение с истинной. Но своим ответом он привел Изабель в замешательство. Взволновал. Он услышал это по ее сбившемуся сердечному ритму и понял, что не так уж она к нему равнодушна.

– Зачем? – выдохнула она, а Шан шагнул к ней ближе, забирая из рук истинной странную палку.

– А для чего мужчина хочет остаться один на один с понравившейся ему женщиной?

– Есть много вариантов, – ответила явно сбитая толку Изабель и дернулась назад. Вот только отступить ей было некуда – сзади оказался кухонный стол, в который она врезалась. Зарычала, как натуральная волчица, и шагнула снова вплотную к нему. – Только есть нюанс. Я не могу тебе нравиться.

Слишком близко. Слишком. От этой близости Шан практически поплыл, еще немного, и можно вручить контроль своему волку, беснующемуся внутри. Он так сосредоточился на этой битве, что до него не сразу дошел смысл сказанных

Изабель слов. А когда дошел...

– Почему? – приподнял он брови.

– Потому что у меня очки, – уверенно заявила она.

– Очки? – не поверил он собственным ушам. – Причем здесь они?

– Я прекрасно знаю, что с ними у меня нет шансов называться красавицей, в которую влюбляются в первого взгляда. А учитывая, что сегодня мы впервые с тобой обменялись парой фраз, покорить тебя своим чувством юмора или потрясающим интеллектом я не успела.

Предки! Вот в чем дело! Вот почему она от него шарахается. Его истинная такая же женщина, как и все. Она сомневается в своей привлекательности для него.

– Волки не по красоте судят, – сказал Шан, пытаясь через толстые стекла заглянуть ей в глаза.

– А по чему?

– Они узнают родственные души по запаху. – Он не сдержался и втянул воздух возле ее лица, мгновенно дурея от этого божественного аромата.

– Не смешно, – пробормотала Изабель.

– Кто сказал, что я смеюсь? – рыкнул он, положив ладони на тонкую девичью талию и утыкаясь носом ей в шею.

Носом. Губами. Вроде невинное, ничего не значащее прикосновение, а Шан почувствовал его так, будто оно было самым острым моментом в его жизни, самым желанным. Будто ради этого момента он вообще жил всю свою жизнь. Жизнь

до встречи с Изабель. Его повело, он опьянел, как от сильного алкоголя, если бы вервольфы пьянели от алкоголя. Шан же опьянел от близости истинной, сжал ее в крепких объятиях, понимая, что больше никуда не отпустит.

Она его.

Так бы и съел.

Вот только острая боль в коленке остановила Шана в полушаге от того, чтобы попробовать ее губы на вкус. Он рыкнул, попытавшись схватить выскользнувшую из объятий Изабель. Но, прежде чем он бы ее настиг, совершенно не осознавая, что вообще творит, в него ударила сила другого альфы, ломая, подчиняя себе. Именно это заставило Шана притормозить.

Дэй заставил.

Изабель бочком проскочила мимо появившегося в дверях его брата и скрылась, а Дэй посмотрел на Шана так, будто он все испортил. Да тут и гадать не надо – он точно все испортил. Напугал истинную. Нарушил план. Поторопился остаться с ней наедине. А потом сделал то, что сделал.

– Сейчас вернусь, – прорычал Дэй на языке джайо. – Жди здесь.

Сказать, что это были самые долгие пять минут в жизни Шана – значит, ничего не сказать. Дэй отправился исправлять то, что он натворил, но как это теперь вообще можно исправить?

Дэй вернулся достаточно быстро. Быстрее, чем Шан успел

смешать себя с пеплом и развеять по ветру. Он злился на себя и злился на Изабель. За то, что она оказалась такой неприступной. Она – будущая жрица, она должна чувствовать их истинность. Так почему ничего не чувствует?

– Почему она ничего не чувствует? – выплеснул он собственное раздражение на брата.

Дэй, в отличие от него самого, был спокоен. Рассматривал его, сложив руки на груди. Будто ему вообще было все равно и на Шана, и на Изабель. Хотя почему «будто»? Ему и есть все равно.

– Ты слышал почему. Бабкин дар к ней не перешел. Может, Сараси вообще облажалась. В очередной раз.

– Нет, она моя истинная. Я чувствую. Ее аромат сводит с ума.

– Она отмеченная предками, поэтому тебя и ведут твои инстинкты. Ни больше ни меньше. Не факт, что это вообще нужная нам жрица.

Для Шана это звучало как бред.

– Изабель первая и единственная, кого мы встретили.

– Это не значит, что она та самая.

– Для меня она та самая!

Дэй шагнул к ней почти впритык и серьезно поинтересовался.

– Так почему ты ведешь себя так, будто она проходная девка?

Шан уставился на брата, словно у того вместо челове-

ского лица появилась волчья морда. Волчья морда с телом человека.

– Никогда бы не подумал, что придется учить тебя и этому, – усмехнулся Дэй. – Если она проходная, то ты знаешь, что делать. Просто развлекайся, а Сараси скажем, что ничего не нашли.

Шан сжал зубы и с утробным рычанием бросился на Дэя. Тот почти сразу перехватил его, удерживая за горло. Она уставились друг на друга: глаза в глаза на расстоянии в несколько сантиметров. Каждый знал, что легкая трансформация, и когда на пальцах Дэя появятся когти, они вполне способны распахать Шану горло. Умереть он не умрет, регенерация у него отменная, но не самые приятные минуты ему гарантированы.

– Она не проходная, – прорычал он. – Она моя.

– Так соберись и найди к ней подход. Мы можем ее украсть, но тебе потом с ней делить жизнь. Хочешь начать эту жизнь с войны?

– Нет, – мотнул головой Шан. – Я не хочу войны с истинной.

Дэй убрал руку и отступил на шаг:

– Тогда действуй тоньше. Через подарки и слова. И перестань ее лапать!

– Тебе это не нравится, – ревниво заметил Шан.

– Главное, чтобы ей нравилось, идиот.

Он проглотил оскорбление, потому что понимал – брат

прав. Шан действовал с Изабель так, как хотелось ему, не подумав о том, что хочется ей.

– Сегодня я прощаю тебе оскорбление, – сказал он, прищурившись, – но в следующий раз будем драться.

– Идет, – кивнул Дэй, а Шан вспомнил, что брат выходил следом за девушкой.

– Что ты ей сказал? – спросил-потребовал он.

– Что ты идиот.

Шан поперхнулся.

– Зачем?

– Первое правило общения со жрицами, – Дэй хлопнул его по плечу, – всегда соглашайся с тем, что они говорят.

– Сказал тот, кто постоянно спорит с верховной жрицей.

– Ты не дослушал! Всегда соглашайся, но делай по-своему. Мы всегда можем перенести твои любовные ухаживания на острова джайо.

Это было бы проще. Или нет? Там будет земля Шана, а рядом с Изабель не будет ее многочисленных родственников. Но...

– Давай, сначала я попробую здесь, а потом посмотрим.

Правда, вспомнив о том, как быстро Изабель сбежала, он добавил:

– Если, конечно, я все не испортил.

В конце-концов, она могла пожаловаться на него своей семье.

Дэй посмотрел на него как-то странно, но затем кивнул.

– Все поправимо. Пойдем. Мы все-таки в гостях.

Глава 7

Они узнают родственные души по запаху.

Слова вервольфа врезались в мое сознание. Я действительно сначала подумала, что это шутка. Вообще первым делом захотелось вовсе принюхаться следом за Хуаном, только не для того, чтобы ощутить свой привлекательный аромат, а для того, чтобы проверить – не несет ли от меня потом. Втянуть носом запах, как это сделал вервольф. Что я и сделала. Но вместо собственного почувствовала острый мускусный аромат мужчины. Почему-то мне всегда думалось, что волки пахнут мокрой шерстью и хвойным лесом. Ничего подобного! Хуан пах мылом, пряностями и опасностью. Я никогда бы не смогла объяснить, что можно пахнуть опасностью, как она вообще пахнет, но вервольф пах именно ею. Чем-то остро-сладким, таким невероятным, что сбитая с толку я пропустила момент, когда оказалась в его объятиях. Мной будто овладело что-то звериное, дикое. Пугающее настолько, что я тут же вывернулась из этого ощущения и врезала Хуану по коленке.

Отпустил.

Не знаю, что бы я делала, если бы не отпустил. Кричала бы и звала на помощь? Хорошо хоть брат его появился. Хотя в первую минуту мне показалось, что он меня тоже перехватит, заставит со всем этим разбираться. Не перехватил, поз-

волил мне сбежать из кухни. Уже в темном, неосвещенном холле я прислонилась спиной к стене и закрыла лицо ладонями, не зная, что делать дальше.

Логично было ворваться в гостиную и рассказать семье правду: о том, что Хуан меня... нюхал. За что его немедленно надо выставить за дверь и больше не пускать на порог. И его брата!

– Знаешь почему люди и вервольфы живут тысячи лет рядом, но так и не стали друг к другу ближе?

– Потому что вы все время бесшумно подкрадываетесь? – огрызнулась я, поворачиваясь к тому самому брату, который, оказывается, пошел за мной.

В ответ на мой сарказм он только выгнул бровь.

– Потому что мы изначально разные и не всегда понимаем друг друга.

– То есть для вас это нормально?!

– Нормально – что? Для волчицы признание ее аромата – большой комплимент, – как ребенку, скучающим тоном объяснил он.

– А объятия? Вы не терпите прикосновений.

– Мы не терпим *случайных* прикосновений. Прикосновения того, кто тебе нравится, всегда желанны. Будь ты волчицей, ты бы поняла.

– Но я не волчица, – напомнила я.

– Согласен, у моего брата странный вкус на женщин. Но какой есть.

Я задыхнулась от возмущения. У этого вервольфа просто феноменальная способность меня бесить!

– А у тебя мерзкий характер, но вы миритесь с недостатками друг друга? – поинтересовалась я, а Даниэль вдруг усмехнулся: улыбка смягчила жесткие черты его лица, и я вдруг поняла, почему сестра считает его симпатичным. Сестра, но не я. Потому что помним про «мерзкий характер». – Это не дает ему права меня нюхать. Поэтому, – я указала пальцем в сторону двери в гостиную, из которой сочился яркий свет, – я сейчас пойду и расскажу все родителям.

Вервольф недобро прищурился и шагнул ко мне. На расстоянии вытянутой руки.

– Я скажу им тоже самое, что рассказал тебе. Правду. Мой брат не сделал ничего плохого, ты ему просто понравилась, и он извинится перед тобой, как только ты предоставишь ему такую возможность.

– Или сегодня наше знакомство закончится, и я больше с ним никогда не увижусь.

– Увидишься. Этот городок слишком мал, а мы ваши соседи.

Бес! Так и есть.

– Мои близкие примут мою сторону.

– Или решат, что ты все придумала. Например, твоя сестра.

Именно так Мира и решит. Что я пытаюсь привлечь к себе внимание. А папа уверится в мыслях, что я против всех вер-

вольфов. Поверит ли мне вообще кто-то? Моя семья меня любит, это бесспорно, но им также нравятся братья Рамирес. Им всем нравятся вервольфы. Если они примут сторону Даниэля и Хуана, я буду выглядеть глупо. Очень глупо!

Пока все эти мысли роились в моей голове, я почувствовала, что Даниэль будто подвинулся, стал ко мне ближе. Присмотрелась: нет, он остался на месте. Но почему-то я теперь чувствовала его сильнее и не могла себе это объяснить.

– Ты можешь разрушить мостик зарождающейся дружбы, – предложил он, все время следя за моим лицом, – а можешь попытаться понять нас, вервольфов. Узнать нашу культуру, взамен рассказать ему о вашей.

– А если я не хочу? – я упрямо задрала голову, глядя ему в глаза. – Не хочу иметь с ним ничего общего.

– Тогда тоже скажи об этом. Но будь достаточно убедительной: иногда волки воспринимают отказ как приглашение пофлиртовать.

Час от часу не легче! Но прежде чем я успела возразить, Даниэль подался вперед, положив ладонь на стену над моим плечом:

– И не смотри альфе в глаза. Не угрожай мне.

– У вас это означает угрозу?

– Еще волчица смотрит на волка так, когда она приглашает его поиграть. Но мы, кажется, с тобой уже разобрались, что вервольфы тебя не интересуют.

Огорошив меня этим, он оттолкнулся от стены и вернулся

на кухню, а я поняла, что, несмотря на все прослушанные передачи, ничего не знаю о вервольфах. Вопрос в другом: хочу ли я узнать?

Дело в том, что я сама уже не знала, сказала ли я правду Даниэлю или нет. Я не хотела иметь ничего общего с Хуаном, он мне даже не нравился. Если честно, меня оба брата настолько выводили из душевного равновесия, что я не представляла, что должно произойти, чтобы я вдруг вспылала к ним симпатией! Но сами вервольфы, как раса, меня интриговали. Я бы с удовольствием расспросила Хуана о его жизни в стае, еще больше о силе альфы, о которой он говорил, об их обычаях, да даже о брачных традициях.

Но он решил, что я ему нравлюсь. Понюхал меня и решил. Что теперь с этим делать?

Расставлять точки над *i*. Других вариантов я не видела. Поэтому прошмыгнула в гостиную, сказав маме, что потом домою посуду и что хочу узнать больше про наших гостей. Но братья Рамирес, как назло, надолго у нас не задержались. Даниэль успел рассказать, что он альфа своей стаи – я это уже знала, и что лунный календарь не делает его перевоплощения в волка легче или сложнее – не знаю, причем здесь лунный календарь, но деда это очень интересовал этот вопрос. Хуан все это время молчал и бросал на меня расстроенные взгляды, когда, видимо, считал, что я не вижу.

Видеть мне было и не обязательно: я их чувствовала. То

ли из-за его силы, то ли из-за чего еще. Вот это меня и интересовало больше всего. Почему я чувствовала, что он как-то воздействовал на других своей силой? Я не волчица, как сказал его старший брат, тогда что со мной не так? Я ненавидела это чувство, когда со мной было что-то не так! Я предпочитала знать о себе все.

Возможно, это можно узнать у самих вервольфов. Но предупредить сразу, что никаких взаимных унюхиваний! Даниэль сказал, что волки воспринимают отказ как приглашение к флирту? Надо отказать так, чтобы он точно понял – между нами ничего нет и быть не может. Ни флирта, ни тем более чего-то больше. Я человек, а он вервольф. Я не заинтересована в нем, как в мужчине. Точка.

Идея, как довести эту мысль до Хуана, пришла мне в голову почти сразу. Как только я увидела, каким голодным взглядом Мирабель провожает братьев, покидающих наш дом. В другой раз я бы, наверное, отказалась использовать симпатию сестры для собственной выгоды, но сейчас решила наступить на горло принципам.

– Ты знаешь, я прониклась, – сообщила я ей, когда перемыла всю посуду и поднялась в нашу общую комнату. Мира успела принять ванную, смыть косметику и разобрать сложную прическу, но еще не уснула. Что было для нее нехарактерно, ведь время было уже позднее. Словно сестра меня поджидала. – Вервольфами. Они все-таки другие. Необычные.

– После того, как пообщалась с Хуаном на кухне? – Мира села на постели и ревниво ткнула в меня пальцем.

– После того, как пообщалась с его братом, вообще-то, – не стала я скрывать.

– Как ты могла?! – едва не прорычала она.

– Общаться с ними?

– Да. Зная, что мне они мне нравятся.

Это было вполне в духе моей слишком эмоциональной сестры. Додумать о том, что случилось на кухне, сильно-сильно приукрасить. Но лучше бы ей не знать, что Хуан меня нюхал и почему.

– Мне они теперь тоже нравятся.

– Что?!

– Не так как тебе, конечно, – я выставила руки вперед, пока ревность Миры не вышла из берегов. – Как другая раса, живущая с нами на одной планете.

Я уселась на свою постель, как раз напротив сестры, которая в кои-то веки была в шоке и не пыталась меня переубедить.

– Я же столько о них слышала: от дедушки, из радиопередач, из кино. Но не знаю, что из этого правда, а что нет. А тут, можно сказать, два живых справочника по вервольфам.

– Изабель, нельзя называть мужчин справочниками, – Мира так мастерски передала мамин ворчливый тон, что я усмехнулась.

– Говорю, как есть. Мы о них многого не знаем, но можем

узнать.

– Как? – Сестра посмотрела на меня скептически, нервно потерев кончик своей косы. – Они даже на меня сегодня не смотрели. Я так намучалась с волосами. И платье три раза отгладила. Но все зря...

– Вообще-то не зря, – остановила я поток самокопания Мирабель. – Я действительно успела немного пообщаться с братьями Рамирес, и Даниэль предложил нам с тобой узнать вервольфов получше. То есть, можно задать им любые вопросы об их расе.

Я выдала заранее заготовленную ложь и порадовалась, что выдающие меня горящие уши не видно под волосами. С надеждой, что хорошая новость перекроет подозрительность Миры.

– Нам с тобой? – уточнила она. – Так и сказал?

И я нагло соврала сестре в глаза:

– Так и сказал. Ты не рада?

Она захлопала ресницами, а затем слетела с постели и сжала меня в крепких объятиях так, что у меня чуть кости не затрещали.

– Рада? Да я просто неприлично счастлива!

Мира пустилась в какие-то дикие пляски, проскакала в одну сторону, потом в другую, и, успокоившись, наконец-то поинтересовалась:

– Когда мы идем к ним в гости?

– В гости? – опешила я.

– Конечно. Как еще мы останемся с ними наедине?

– Пригласим на прогулку?

– Ты погоду за окном видела, Иззи? До завтра не утихнет! – Издеваясь, набирающий обороты ураган буквально постучал веткой в окно. А сестра включила тот самый взгляд, от которого все окружающие должны были чувствовать себя неумными. – Мы идем к Рамиресам в гости! Кстати, днем? Вечером? Может, с утра? Это все равно лучшая новость за весь вечер!

Лучшая. Миру не пришлось уговаривать, она сама согласилась мне помочь. Так почему у меня ощущение, что я вошла в клетку, а та захлопнулась?

В любом случае, пока все складывалось для меня самым удачным образом: сестра согласилась, даже настаивала на немедленной встрече с вервольфами, и я тоже решила не затягивать с этим. Чем скорее Хуан поймет, что человеческие девушки другие, тем лучше.

Правда, глядя на то, как Мира собирается идти в гости, даже я в этом начала сомневаться. Ее бело-голубое платье, второе по красоте в гардеробе сестры, просто кричало о том, что вервольфы ей нравятся. Оно открывало плечи и соблазнительную ложбинку между грудью, подчеркивало талию и широкие бедра. Сестра всю ночь проспала в бигудях, и утром у нее были роскошные, гладкие и блестящие локоны. Она даже собиралась надеть туфли.

Ветер за ночь слегка утих, но ливень продолжался, и я не представляла, как она собирается в таком виде дойти до братьев Рамирес. Чем с ней и поделилась.

– А дождевики нам зачем? – хмыкнула непоколебимая Мирабель. – И лак для волос.

– И порывы ветра, чтобы туда долететь, – я выразительно посмотрела на ее обувь на каблуке. Сама я оделась как обычно: в джинсы и рубашку, а волосы стянула в высокий хвост.

– Не будь занудой, Иззи, я пойду в резиновых сапогах, а затем переобуюсь!

Я лишь закатила глаза к потолку.

Наверное, мне надо было успокоиться и радоваться тому, что сестра, сама того не подозревая, исполняет мой гениальный план. Но я начинала нервничать: как бы Хуану или его брату не понравился запах лака для волос гораздо больше моего аромата, и они бы не решили перенести фокус своего внимания с меня на Миру. Она точно из тех, кто залезет в клетку с тигром. Раньше мне казалось, что она сама голыми руками скрутит этого тигра.

Но братья Рамирес не тигры. Не львы. Они волки.

К сожалению, передумать я уже не могла. Могла, конечно, сказать, что это была шутка. Но подобного мне Мира не простит. Значит, надо идти до конца. До дома Рамиресов.

Правда, на нашем пути возникло препятствие в виде мамы.

– Ты куда такая красивая? – поинтересовалась она у Ми-

ры, увидев нас в холле.

– На свидание, – соврала сестра и глазом не моргнув. Как всегда, плохо.

– Вместе с Изабель? – мама приподняла брови.

– Мне было скучно, – поспешила я объяснить, – и Артуру согласился.

– Ну если согласился, – развела руками мама, а мне на минуточку стало стыдно. Не привыкла я ее обманывать, если честно, вообще не обманывала, поэтому мама легко мне верила. И доверяла.

Поэтому я поспешила нырнуть в резиновые сапоги и стащить дождевик с вешалки. Мира собиралась дольше, но тоже вылетела за мной с хорошей скоростью.

– Зачем ты сказала про Артуру? – зашипела она, перекрывая шум ливня.

– Хотела, чтобы я рассказала про Хуана? Семья, конечно, от братьев в восторге, но сильно сомневаюсь, что мама отпустила бы нас к ним!

Сестра яростно засопела мне в спину, но больше ничего не сказала до самого дома Рамиресов.

Мы даже не успели промокнуть или вспотеть – все-таки под дождевиками это было легко, как уже стояли на пороге старинного особняка и стучали дверным молотком в не менее старинную дверь. Каким же он был мрачным! Но для таких хищников, как братья, наверное, в самый раз. Впрочем, именно Даниэль и Хуан не ассоциировались у меня с вол-

ками-аристократами. Они вообще с трудом представлялись в каких-то домах. Было в них что-то дикое, первозданное, свободное... Поэтому мое воображение рисовало либо грубо сколоченную дикарскую хижину на берегу моря, либо вообще-то какую-то пещеру или скалу, устланную мхом. Умом я понимала, что примерно половину жизни вервольфы все равно проводят в человеческом аватаре, и им гораздо удобнее спать на кровати, но ничего не могла поделать со своей разгулявшейся фантазией.

Мы постучали раз, постучали два и принялись ждать.

– Может, их нет дома, – предположила я. – Ушли по делам.

– Нет, в это время они всегда дома, – отвергла эту теорию моя Слежу-За-Соседями-Сестра. – Может, они не услышали звук этого молотка. Кто вообще придумал оставить эту штуку? Нет чтобы нормальный звонок провести! Будто не в современном мире живем...

Дверь открылась раньше, чем Мира успела разбушеваться по поводу звонка. На пороге застыл Хуан, не сводя с меня потрясенного и в то же время жадного взгляда.

– Изабель? – переспросил он, будто глазам своим не верил. Только потом перевел взгляд на мою сестру и прокашлялся: – Мирабель. Что вас сюда привело?

Мира не растерялась и тут же просочилась мимо мужчины в холл.

– Любопытство, – улыбнулась она Хуану и сдала меня с

потрохами: – Даниэль предложил нам с Иззи поведать тайны вервольфов. И вот мы здесь!

– Тайны? – Хуан нахмурился и, как мне показалось, насторожился.

– Не ваши личные тайны, – поправила я сестру, – для нас, людей, все традиции вервольфов – секретны. А мы бы хотели их узнать получше.

Хуан тут же улыбнулся.

– Я буду только счастлив узнать друг друга получше.

И почему мне кажется, что Мира в этом уравнении не фигурирует, а мы говорим вовсе не про вервольфов в целом? Мой план все правильно ему объяснить под угрозой!

– Мы с братом готовим мясо, присоединитесь к нам?

– К готовке? – влезла сестра.

– Нет, – усмехнулся Хуан. – К обеду.

– А я думала на обед у вас мы! – хихикнула Мира.

Я как никогда не была близка к тому, чтобы треснуть себя по лицу ладонью, а лучше – треснуть сестру. Что она несет?! Но вервольф вдруг рассмеялся, нагнулся к Мирабель и заговорчески сообщил:

– Тайна вервольфов номер один. Мы не едим людей.

– Какое облегчение, – выдала она с самым влюбленным взглядом. – Вот я бы вас попробовала.

– Где у вас кухня? – поинтересовалась я резко.

Вопрос лишний, потому что кухню я нашла по методу вервольфов – по аромату жареного мяса. О том, что не стоит

вести себя так по-хозяйски в чужом доме, я вспомнила уже на пороге. Когда взглядом споткнулась о полуобнаженного Даниэля. Широкие плечи, мощная спина, переходящая в узкую талию, бугрящиеся под смуглой кожей мышцы – и все это было выставлено на всеобщее обозрение. Я опустила глаза и порадовалась, что на нем хотя бы есть штаны. Если бы штанов не было, не уверена, что моя психика выдержала бы подобное зрелище.

Он действительно переворачивал большие стейки, но стейки – последнее, что я заметила в этой совсем не для моих глаз картине. Мой взгляд будто прилип к его плечам, а затем переместился на грудь, когда вервольф обернулся. Правда, в отличие от меня, которая, как рыбка, хватала ртом воздух, остался совершенно невозмутим. Разве что медленно повел носом и приподнял бровь. Мол, что ты здесь забыла?

Не знаю, что я здесь забыла, у меня вообще из головы все повылетало. Осталось только желание высказать все Хуану за то, что не предупредил о брате-нудисте. А затем самому брату-нудисту за то, что он ходит вот так. Хуан и Мира меня еще не догнали, а Даниэль был на месте.

– Вы всегда ходите вот так? – поинтересовалась я вместо приветствия, при этом пытаюсь коситься на стейки, на сковороду, на длинные кухонные столы, а не на упругий, словно филигранно вычерченный пресс. Впрочем, коситься на мясо и сковороду было плохой идеей: я залипла на руках Даниэля, его длинных гибких пальцах. Я сглотнула, и вовсе не пото-

му, что хотела есть.

– А ты всегда вламываешься в чужие дома без предупреждения?

– Вы меня пригласили. Скажете, не почувствовали меня еще с порога?

– Почувствовал, – кивнул этот грубиян. – Но не посчитал это поводом бежать за рубашкой.

– Дикарь, – проворчала я себе под нос. Правда, потом спохватилась, но вервольф снова вернулся к стейкам.

Надо что-то с этим делать. Я рядом с этими вервольфами тоже становлюсь беспардонной.

– Даниэль, привет! – выдохнула догнавшая меня сестра. Мирабель точно себе в желании созерцать вервольфа в первоизданном виде не отказывала, поэтому прикипела к нему взглядом, будто Рамирес сам был сочным сладким бифштексом. Хотя как по мне, он горький и слишком острый.

Мясо вызывало в Рамиресе-старшем гораздо больший отклик, чем присутствие гостей, поэтому он лишь молча кивнул, а вот Хуан отодвинул стул сначала для меня, затем для Миры, а сам занял место между нами. К счастью, сегодня я не чувствовала давящей силы: ни его, ни брата.

– Так какие тайны вас к нам привели?

«Хотели на твоего брата в чем мать родила посмотреть», – ответила я мысленно и села боком, чтобы Даниэль не попал в поле моего зрения. Хотя бы частично.

– Нам интересны все традиции вервольфов, – сказала вме-

сто меня Мирабель, демонстративно покосившись на бесстыдного Рамиреса. – Об одной мы уже догадались.

– Нам правда мешает человеческая одежда, – усмехнулся Хуан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.